

ШКОЛЬНЫЙ ВЕСТИНИК

6+

5/2025

Учредители журнала:	СОДЕРЖАНИЕ	
АО «Молодая гвардия» и коллектив редакции	Важная информация о подписке	1
	Внимание, конкурс!	3
	С фронта на Красную площадь	4
	Медаль по фронтовому счёту	13
Главный редактор Ю.И. Кочетков	Елена Митрохова. Ленинградский мост	18
	Первым делом на войне — это кухня для солдата	24
Редакционная коллегия:	Проводники из мира темноты	32
С.В. Винокурова	ПРОБА ПЕРА Конкурс юных авторов	43
В.З. Денискина	НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ	
И.Н. Зарубина	Лев Евтюхин. Стихи	49
О.В. Клековкина	Павел Михалёв. Стихи	50
Ю.И. Котов	Николай Толмачёв. Стихи	50
Т.М. Морева	Геннадий Калинин. Стихи	51
И.И. Семёнова	Стихи, оборванные пулей	51
А.П. Торопцев	Михаил Суворов. Хлебозор	61
	Фёдор Конышев. Пистолет	68
	ГОД ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА	
	Без права на славу, во славу державы!	88

ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые руководители коррекционно-образовательных учреждений, где учатся незрячие и слабовидящие школьники, и директора специальных библиотек для слепых!

Журнал «Школьный вестник» на протяжении 86 лет многим своим читателям помог найти место в жизни, выбрать свою профессию, был большим другом и помощником детей и взрослых. Сегодня ему очень нужна ваша поддержка!

Подпишитесь, пожалуйста, на наш журнал, если вы этого ещё не сделали.

На страницах «Школьного вестника» каждый читатель может найти для себя что-то интересное и нужное: младшие школьники в рубрике «Аз, Буки, Веди» в каждом номере познакомятся со стихами и рассказами молодых профессиональных авторов; учащиеся любого возраста могут принять участие в литературном конкурсе «Проба пера» и по итогам получить достойный приз; старшеклассники узнают о профессиях, в которых успешно работают незрячие и слабовидящие люди; педагоги могут опубликовать свои методические работы, наблюдения, поделиться своим опытом обучения и воспитания незрячих и слабовидящих детей.

Оформить подписку на «Школьный вестник» можно с любого месяца в любом отделении «Почта России», а также в агентстве «Урал-Пресс».

Индексы в каталоге АО «Почта России» журнал
«Школьный вестник» шрифтом Брайля

ПП671 — подписка на 1 месяц

ПП672 — годовая подписка

Индексы в каталоге АО «Почта России» журнал
«Школьный вестник» укрупнённым шрифтом, кегль 18

ПП663 — подписка на 1 месяц

ПП670 — годовая подписка

Индексы в каталоге ООО «УРАЛ-ПРЕСС» журнал
«Школьный вестник» шрифтом Брайля

70864 — подписка на 1 месяц

71546 — годовая подписка

Индексы в каталоге ООО «УРАЛ-ПРЕСС» журнал
«Школьный вестник» укрупнённым шрифтом, кегль 18

81661 — подписка на 1 месяц

81683 — годовая подписка

Подписаться можно как на брайлевский вариант журна-
нала, так и на журнал, отпечатанный укрупнённым шриф-
том. Внимательно смотрите на каталожные индексы.

ОЧЕНЬ ЖДЁМ ВАШЕЙ ПОДДЕРЖКИ!

Редакция журнала «Школьный вестник»

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Наш литературный конкурс «Проба пера» продолжается и в 2025 году.

Условия остаются прежними. Все участники конкурса разделены на возрастные категории:

младшая категория — 1 — 5 класс;

средняя категория — 6 — 8 класс;

старшая категория — 9 — 11 класс.

За первое место победитель получает приз, о котором мы объявим позже и который вас не разочарует.

За второе и третье места авторы также получают ценные призы.

Тексты принимаются в электронном виде на адрес: schoolvestnik@mail.ru

Окончание приёма заявок 1 декабря 2025 года.

Жюри конкурса — редакция журнала «Школьный вестник».

Надеемся на ваше активное участие и желаем творческих успехов!

С ФРОНТА — НА КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ

КАКИМИ ДОРОГАМИ ШЛА КРАСНАЯ АРМИЯ К ПАРАДУ ПОБЕДЫ

События весны 1945 года занимают особое место в героической летописи Великой Отечественной войны. В эту незабываемую весну Красная армия в тяжёлых битвах принудила гитлеровскую Германию к безоговорочной капитуляции. Это был триумф победы.

В ходе военных кампаний 1944 года были освобождены Ленинградская область, Прибалтика, Белоруссия, Правобережная и Западная Украина, Крым, Молдавия, Южная Карелия и Заполярье. Государственная граница СССР была восстановлена на всём её протяжении от Баренцева моря до Чёрного.

Добровольно вышла из войны Румыния, уже не надеясь на победу гитлеровской коалиции. Освобождение Прибалтики и победа советских вооружённых сил на Карельском перешейке вынудили Финляндию к капитуляции. В жесточайших сражениях советские войска изгнали фашистских оккупантов из Северной Норвегии и сыграли решающую роль в освободительной борьбе народов Югославии.

В завершающей кампании в Европе Красная армия полностью освободила Польшу, Чехословакию, Венгрию, Австрию и, пройдя с боями по территории Германии, вышла на Эльбу, где встретилась с войсками союзников.

8 мая 1945 года в предместье Берлина Карлсхорсте в 22 часа 43 минуты по центральноевропейскому време-

ни (9 мая в 0:43 по московскому времени) был подписан окончательный Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии и её вооружённых сил. Третий рейх перестал существовать как государство. Многолетняя изнурительная война с этого момента стала достоянием истории.

9 мая 1945 года в 2 часа 10 минут ночи советское радио сообщило гражданам СССР долгожданную радостную новость. В эту ночь огромная страна не спала. Люди открывали окна, будили соседей, повсюду были слышна музыка и радостные крики: «Победа! Победа!» Все выходили на улицу — обнимались, плакали, смеялись. Вечером московское небо озарил грандиозный салют — победный итог небывалого напряжения сил в армии и в тылу.

ПОДГОТОВКА К ПАРАДУ

15 мая Иосиф Сталин как Верховный главнокомандующий Красной армии предложил торжественно отметить победу в войне: «Нужно подготовить и провести особый парад. Пусть в нём будут участвовать представители всех фронтов и всех родов войск». Приказом Верховного главнокомандующего подготовка и проведение парада были возложены на Генеральный штаб Вооружённых сил. Генерал армии С.М. Штеменко, служивший в то время в Генштабе, вспоминал:

«На другой день после приказа закипела работа. Следовало наметить состав участников парада, разработать весь его ритуал, отличный от обычного, определить форму одежды, сроки подготовки и порядок размещения людей, которые прибудут в Москву с фронтов.

Через два-три дня предварительные расчёты были закончены. Как мы ни прикидывали, получалось, что на подготовку парада нужно не менее двух месяцев. Срок этот диктовался главным образом необходимостью пошить более 10 тысяч комплектов парадного обмундирования. Ведь на фронтах да и в тылу о нём и думать забыли. Следовало также, хотя бы немного, потренировать людей в хождении строем. Этим тоже не занимались четыре долгих военных года.

24 мая мы доложили всё это Сталину. Наши предложения он принял, но со сроками подготовки не согласился и распорядился:

— Парад провести ровно через месяц — 24 июня. Принимать парад будет Жуков, а командовать — Рокоссовский».

В этом был точный расчёт времени: по итогам Ялтинской конференции 1945 года с участием глав государств антигитлеровской коалиции было решено, что Советский Союз вступит на стороне союзников в войну с Японией не позднее, чем через три месяца после победы над Германией, то есть 9 августа 1945 года. С мая по июль на Дальний Восток предстояло перебросить советские войска численностью не менее одного миллиона человек, основу которых составили части, имеющие опыт войны с гитлеровской армией.

Некоторые из фронтовиков должны были успеть принять участие в параде Победы, например, маршал А. Василевский, назначенный главнокомандующим советскими войсками в войне с Японией, маршал Р. Малиновский, которому предстояло руководить Забайкальским фронтом, а также маршал К. Мерецков, будущий командующий 1-м Дальневосточным фронтом.

Решение о проведении парада через месяц заставило всех удесятить усилия. 24 мая появился приказ Верховного главнокомандующего, в котором войскам предписывалось от каждого фронта выделить для парада сводный полк, который не позднее 10 июня должен был прибыть в Москву. Сводный полк должен был состоять из шести пехотных рот, по одной роте танкистов, артиллеристов и лётчиков, а также одной сводной роте, в которую надлежало включить сапёров, кавалеристов и связистов. Командирами отделений рот было приказано назначить средних офицеров, а сами отделения формировать из красноармейцев и сержантов.

В каждом сводном полку три пехотные роты должны были быть вооружены винтовками, а три — автоматами; артиллеристам, сапёрам, связистам и кавалеристам приказывалось иметь карабины за спиной, танкистам и лётчикам — пистолеты в кобуре, кавалеристам предписывалось иметь на параде шашки.

С собой в столицу каждому сводному полку надлежало привезти 36 знамён наиболее отличившихся соединений и частей, а также любое количество трофейных знамён и штандартов противника. На парад приказывалось прибыть всем командующим фронтами и всем командармам, включая танковые и авиационные армии.

Предполагалось, что фронты пришлют в Москву солдат и офицеров, наиболее отличившихся в боях и имеющих бравый внешний вид. Так, в приказе по войскам 1-го Белорусского фронта отмечалось, что рост участников парада должен быть не менее 176 сантиметров, а возраст — не старше 30 лет. Впрочем, заслуженным фронтовикам, не вышедшим ростом, место тоже на-

шлось: их решено было ставить в центр шеренг, окружив более рослыми сослуживцами.

10 июня парадные расчёты собрались в Москве и приступили к репетициям. Они ежедневно проводились по шесть-семь часов. При этом поблажек не делалось никому: офицеры и генералы маршировали наравне с рядовыми и сержантами. Для принимающего парад и командующего заблаговременно подобрали коней: маршалу Жукову — белого, маршалу Рокоссовскому — вороного. Лошади тоже тренировались, они должны были не бояться громкой музыки, рёва моторов и выстрелов из орудий.

В Москву доставили около 900 вражеских знамён и штандартов. Специальная комиссия отобрала на парад 200 трофеев, в том числе и ряд кайзеровских знамён, которые хорошо сохранились. На параде их должны были бросить к Мавзолею 200 солдат специального сводного батальона.

М.С. Штеменко вспоминал: «Знамя Победы, реявшее на куполе Рейхстага в Берлине, по нашим соображениям, следовало поставить во главе парадного шествия, и чтобы несли и сопровождали его те, чьими руками оно было водружено над столицей гитлеровской Германии, — М.В. Кантария, М.А. Егоров, И.Я. Сьянов, К.Я. Самсонов и С.А. Неустроев». Но в результате от выноса знамени Победы на московский парад было решено отказаться. Неустроев был ранен в ногу и хромал, остальные участники торжественного расчёта из-за ранений и возраста на репетиции прошли с трудом. На войне было не до строевой подготовки. Участники водружения знамени Победы над Рейхстагом получили гостевые приглашения на трибуну. А знамя передали в

Центральный музей Вооружённых сил. В первый раз Знамя Победы вынесли на парад в 1965 году.

Страна жила в ожидании парада Победы, никто не сомневался, что принимать его будет Верховный главнокомандующий. Однако Сталин поручил эту почётную миссию маршалу Жукову. В своих мемуарах Жуков привёл разговор с сыном Сталина Василием: «Говорю вам под большим секретом. Отец сам готовился принимать парад Победы. Но случился казус. Третьего дня во время езды от неумелого употребления шпор конь понёс отца по манежу. Отец, ухватившись за гриву, пытался удержаться в седле, но не сумел и упал. При падении ушиб себе плечо и голову, а когда встал — плюнул и сказал: „Пусть принимает парад Жуков, он старый кавалерист”».

Командовать Парадом Победы Сталин поручил маршалу Рокоссовскому, тоже опытному кавалеристу. Это было справедливое решение: войска Рокоссовского отличились на всех этапах Великой Отечественной войны — в битве за Москву, в Сталинградском сражении, на Курской дуге, в разгроме немецкой группы армий «Центр» летом 1944 года в Белоруссии.

Готовилась и авиационная программа парада, после чего предполагалась гражданская часть торжеств — демонстрация трудящихся Москвы, но от этих мероприятий пришлось отказаться. Затяжной июньский ливень спутал программу парада. Погода улучшилась только к вечеру. Жуков писал в своей книге воспоминаний: «Во время объезда и приветствия войск я видел, как с козырьков фуражек струйками сбегала вода от дождя, но душевный подъём был настолько велик, что никто этого не замечал».

ПАРАД ПОБЕДИТЕЛЕЙ

24 июня ровно в 10.00 после боя кремлёвских курантов из ворот Спасской башни на Красную площадь на белом коне выехал Жуков, после чего принял устный и письменный рапорты Рокоссовского о том, что войска к параду готовы.

Торжественный марш победителей открыл маршал Рокоссовский. Вслед за ним по брусчатке промаршировали юные барабанщики, воспитанники 2-й Московской военно-музыкальной школы. За ними, в том порядке, в котором во время войны располагались советские фронты от Балтики до Чёрного моря, шли сводные полки, возглавляемые командующими фронтами.

Полк Карельского фронта вёл маршал Мерецков, за ним двигался полк Ленинградского фронта во главе с маршалом Говоровым. После них мимо Мавзолея промаршировал полк 1-го Прибалтийского фронта вместе с генералом Баграмяном. Маршал Василевский шёл перед сводным полком 3-го Белорусского фронта.

Поскольку Рокоссовский и Жуков руководили парадом, сводные полки их фронтов — 1-го Белорусского и 2-го Белорусского — возглавили их заместители. Затем настала очередь Украинских фронтов: 1-й возглавлял маршал Конев, 4-й — генерал Ерёменко, 2-й — маршал Малиновский, 3-й — маршал Толбухин. Замыкал шествие фронтовых частей сводный полк Военно-морского флота во главе с вице-адмиралом Фадеевым.

Никогда Красная площадь не видела такого бравого и задорного марша, хотя по сравнению с вымуштрован-

ными полками мирного времени фронтовики не так чётко чеканили шаг. И выглядели они гораздо старше нынешних участников парадов. Это шли бывалые солдаты, победившие в самой беспощадной из войн, прошедшие в буквальном смысле огонь и воду, израненные и много испытавшие. Каждый орден, каждая медаль на их груди говорили не только о личном подвиге героя, но и о подвиге всей армии. Они шли спокойно, они уже всё завоевали. Многие не сдерживали улыбок. Ощущение счастья царило в душе каждого, кто маршировал по брусчатке, каждого, кто смотрел на героев с гостевых трибун.

Внезапно оркестр смолк, и в полной тишине под грохот 80 барабанов вперёд вышел сводный батальон с вражескими знамёнами. Первым бросил к подножию Мавзолея штандарт 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» старший сержант Ф. Легкошкур, после этого на мокрую брусчатку полетели и остальные неприятельские стяги.

Легкошкур вспоминал: «Штандарт Гитлера, который я нёс, был тяжёлый. Он же из литья, древка-то почти нет. Надёжно, надолго было сделано. И с какой ненавистью к фашизму и гордостью за наш народ и армию я его пронёс по площади. А когда подошли к Мавзолею, я этот штандарт высоко поднял и с силой бросил оземь, чтобы разлетелся вдребезги».

Снова заиграл оркестр, и на Красную площадь вступили части Московского военного округа во главе с генералом Артемьевым. За ними шёл сводный полк Наркомата обороны, затем слушатели военных академий и курсанты военных училищ, а после них — воспитанники суворовских училищ.

В параде приняла участие необычная колонна: солдаты-сапёры с миноискателями на плечах вели на поводках собак, обученных искать взрывчатку.

Затем на площадь вступили техника и кавалерия. Зрители увидели воинов столичной зоны ПВО: зенитчиков, прожектористов, солдат радиотехнических батарей. За ними появились мотоциклисты, потом — расчёты артиллерийских орудий — от противотанковых до тяжёлых, и наконец — гвардейские миномёты, прозванные в войсках «Катюшами». Проход техники завершился проездом самоходных артиллерийских установок и танков Т-34-85 и ИС-2.

Парад длился 2 часа под сильным дождём. Однако людей это не смутило и праздник не испортило. Играли оркестры, праздник продолжался. Поздно вечером начался праздничный салют. В 23 часа из 100 аэростатов, поднятых зенитчиками, залпами полетели 20 тысяч ракет. Так завершился этот великий день.

МЕДАЛЬ ПО ФРОНТОВОМУ СЧЁТУ

Среди множества государственных наград Советского Союза и Российской Федерации есть одна особенная, совершенно исключительная награда. Это медаль «За отвагу». Высшая медаль в наградной системе СССР. Награда, которая за все годы её существования никогда не подвергалась девальвации. Единственная, которую ни разу не вручали «по случаю» — к юбилейной дате, дню рождения, визиту важного иностранного гостя.

Исключение было сделано один-единственный раз. 8 февраля 1954 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении медалью «За отвагу» моряков крейсера «Варяг». Подвиг моряков «Варяга» навсегда вошёл в историю русского флота, став одной из героических страниц неудачной для России Русско-японской войны 1904 — 1905 годов. Выдержав неравный бой с японской эскадрой и не спустив флага перед неприятелем, русские моряки не сдались врагу и сами потопили свой корабль.

«За отвагу» — высшая медаль в СССР, своего рода Георгиевский крест. Это был поистине уникальный для того времени случай, когда героев империалистических событий отметили советским наградами. В ознаменование пятидесятилетия со дня подвига русских моряков крейсера «Варяг» за личное мужество и отвагу, проявленные в бою с японской эскадрой, медалью «За отвагу» были награждены 45 человек.

Медаль «За отвагу» была учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1938 года. Указ предписывает:

«Медалью „За отвагу“ награждаются военнослужащие рядового, командного и начальствующего состава Рабо-

че-Крестьянской Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск пограничной охраны за личное мужество и отвагу в боях с врагами Советского Союза на театре военных действий, при защите неприкосновенности государственных границ, или при борьбе с диверсантами, шпионами и прочими врагами Советского государства».

Медаль «За отвагу» во время Великой Отечественной войны ценили выше орденов. Медаль изготавливалась из серебра очень высокой 925-й пробы. Её поверхность с обеих сторон была блестящая, поэтому она ярко сияла на груди героя. И её диаметр — 37 мм — заметно выделял её среди других медалей, диаметр которых, за редкими исключениями, был равен 32 мм.

В верхней части лицевой стороны изображены три летящих самолета. Самолеты летят друг за другом и направлены налево вверх. Под летящими самолетами расположена надпись — «За отвагу». Под ней изображён танк, под ним надпись — «СССР». Все надписи сделаны вдавленными буквами с наложенной красной эмалью.

До 17 октября 1938 года в наградной системе СССР существовали только ордена и лишь одна юбилейная медаль «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Всё изменилось после окончания пограничного конфликта с Японией у озера Хасан. В ходе этого противостояния многие советские солдаты и командиры проявили личную храбрость перед лицом врага. Пограничники Борис Григорьев и Николай Гуляев, первые награждённые медалями «За отвагу», вдвоём вступили в бой с большой группой японцев, пересекавших государственную границу. Несмотря на ранения, они продолжали вести неравный бой и вынудили врага отступить. Введённые в наградную систему СССР меда-

ли стали первыми после 1917 года боевыми медалями, которым было суждено пройти вместе со страной все сложнейшие испытания XX века.

Медаль «За отвагу» во время Великой Отечественной войны ценили выше орденов, и заслужить эту награду можно было лишь с риском для жизни на поле боя. Награждались ею в основном солдаты и сержанты, но нередко были случаи награждения и офицеров. Медаль «За отвагу» особенно ценилась фронтовиками: люди могли видеть, что перед ними в буквальном смысле награждённый герой. На фронте и в тылу знали, что за формулировкой «Для награждения за личное мужество и отвагу, проявленные при защите социалистического Отечества и исполнении воинского долга» скрывается смелый поступок, граничащий со смертью. Медали носили не снимая как особую гордость, поэтому сейчас, спустя много лет после войны, поисковики продолжают находить медали «За отвагу», пробитые пулями и осколками, на телах павших воинов.

До 1947 года на обратной стороне медали выбивался номер. Эта особенность награды позволяет в наши дни устанавливать судьбы найденных поисковиками бойцов. Так удалось установить судьбу минометчика Михаила Сапожникова. Долгие годы он числился пропавшим без вести, пока его останки вместе с медалью «За отвагу» не были обнаружены при прокладке кабеля в Калининградской области в 2018 году. Старший сержант отличился на фронте: его расчет подавил два станковых пулемета и уничтожил несколько солдат противника, обеспечив дальнейшее продвижение пехоты.

Во время Великой Отечественной войны командиры полков получили право награждать медалью «За отва-

гу» солдат и сержантов вверенной им части. Награждение медалью непосредственно на поле боя приобрело поистине широчайший характер. «Отвага», как сокращённо называли медаль в действующей армии, стала самой массовой боевой наградой времён войны — свыше 4 млн 230 тысяч награждений.

Шесть раз был награждён медалью «За отвагу» сержант медицинской службы С. Грецов. Пять раз — 14 человек, в том числе: пулемётчик гвардии ефрейтор А. Воронов, фронтовой разведчик гвардии старшина П. Грибков; минометчик сержант С. Зольников; санинструктор гвардии сержант В. Ипполитова.

Медалью «За отвагу» награждали и отличившихся бойцов штрафных рот и штрафных батальонов. Как пел Владимир Высоцкий:

И если не поймаешь в грудь свинец,
Медаль на грудь поймаешь «За отвагу».

«За успешное выполнение боевой задачи, — вспоминал Александр Васильевич Пыльцын, в годы войны командовавший взводом и ротой в 8-м отдельном штрафном батальоне 1-го Белорусского фронта, — как и обещал командующий армией, весь переменный состав (штрафники) был, как сказали бы теперь, реабилитирован, многим были вручены боевые награды: ордена Славы III степени, медали „За отвагу“ и „За боевые заслуги“. Это были герои, из подвигов которых вычитали числящуюся за ними вину, но и после этого хватало ещё и на награды. Надо сказать, что штрафники не радовались ордену Славы. Дело в том, что это был по статусу солдатский орден, и офицеры им вообще не награжда-

лись. И, конечно, многим хотелось скрыть своё пребывание в штрафбате в качестве рядовых, а этот орден был свидетельством этого.

Кстати сказать, в командирской среде батальона медаль «За отвагу» расценивалась как высокая награда, примерно равноценная солдатскому ордену Славы».

В современной России по Указам президента от 1992 года медаль по-прежнему присутствует в наградной системе страны. За отличие во всех конфликтах начиная с 1991 года российские солдаты и офицеры продолжают получать медали «За отвагу». Её дизайн полностью повторяет медаль времён Великой Отечественной войны, за исключением убранный надписи «СССР».

Главным условием для награждения остались личное мужество и отвага, проявленные военнослужащими, сотрудниками органов внутренних дел, а также другими гражданами России: в боях при защите России и её государственных интересов; при выполнении специальных заданий по обеспечению государственной безопасности; по защите государственной границы; при исполнении воинского, служебного или гражданского долга, защите конституционных прав граждан в условиях, сопряжённых с риском для жизни.

Медаль «За отвагу» носится на левой стороне груди и при наличии других медалей Российской Федерации располагается после медали ордена «За заслуги перед Отечеством».

В памяти народа медаль «За отвагу» — это награда за личное мужество и отвагу, проявленные при защите Родины миллионами советских рядовых в годы тяжелейшей Великой Отечественной войны.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Елена Митрохова

ЛЕНИНГРАДСКИЙ МОСТ

Великая Отечественная война — время тяжёлых испытаний для всей нашей страны. Блокада Ленинграда — одна из самых трагичных страниц в её истории. Всё дальше уходит Великая Отечественная война в прошлое, но память о ней жива в сердцах и душах очевидцев тех далёких событий. С каждым годом их становится всё меньше и меньше.

Мне довелось знать лично удивительного человека — блокадницу Нину Порфирьевну Останину. Она много лет проработала учителем черчения в нашей школе, а когда вышла на пенсию, часто прибегала в школу. Именно «прибегала». Удивительно энергичная, общительная и светлая была эта женщина. Помогала проводить мероприятия, посвященные памяти о Великой Отечественной войне. Много рассказывала сама и организовывала встречи с ветеранами «Блокадного братства». Для Нины Порфирьевны, как и для всех ветеранов-блокадников, священным местом был Ленинградский мост в Челябинске.

Ленинградский мост — это один из наиболее знаменитых мостов города. Находится он на проспекте Победы и соединяет «уральский» и «сибирский» берега реки Миасс. Во время Великой Отечественной войны в этом месте через водную преграду переправили свыше 20 тысяч ленинградцев, эвакуированных из родного города для работы на оборонных заводах Челябинска, и тысячи эвакуированных блокадников. Общественная организация

«Блокадное братство» обратилась к местным властям с просьбой присвоить мосту название «Ленинградский». Возле моста 8 мая 1999 года в честь 55-летия годовщины снятия Ленинградской блокады был установлен мемориальный монумент «Ленинградский мост» — памятник мужеству и доблести ленинградцев, ставших в годы войны челябинцами.

Проект памятного знака разработали челябинские скульпторы Е. Чиркин и А. Тишин и архитекторы И. Пономарев и Н. Балухина. Памятный знак «Ленинградский мост» создан в виде триумфальной арки высотой шесть метров. Внутри арки с надписью «Ленинградский мост» размещён барельеф Медного всадника, вылитый из чугуна на Каслинском заводе архитектурно-художественного литья. Мемориальная доска, находящаяся на обратной стороне памятного знака, надпись: «Памятный знак установлен в честь ленинградцев, эвакуированных в 1941— 1942 годах для работы на оборонных заводах Челябинска. Вместе с уральцами они самоотверженным трудом приближали день Победы. Вклад ленинградцев в борьбе за победу огромен! Память о подвиге их священна!»

Нина Порфирьевна была ещё ребёнком, когда началась война, но каждый год 8 сентября она со всеми блокадниками приходила к Ленинградскому мосту. Была... была... очень трудно говорить об этом человеке в прошедшем времени. В январе 2010 года я попросила Нину Порфирьевну записать свои воспоминания. Мы собирали материал для книги «Великая Отечественная война в судьбе моей семьи». В начале февраля договорились о встрече с ребятами нашей школы, а через

неделю её не стало. Нина Порфирьевна записала свои воспоминания, но на встречу прийти не успела...

Воспоминания Останиной (Тяпкиной) Нины Порфирьевны (1936 — 2010) привожу без сокращений:

«Когда началась Великая Отечественная война, мне было пять с половиной лет. Этот день, 22 июня 1941 года, воскресенье, не запечатлелся в памяти. Запомнилось только, что детский сад не вывезли на дачу.

Мои родители — Тяпкины Порфирий Семенович и Федосья Игнатьевна — работали на заводе «Красный треугольник». Дом наш, № 132 на Обводном канале, стоял стенка к стенке с заводом. Мой папа по возрасту не мог быть призван в армию и был направлен на оборонные работы под Ленинградом.

К осени мама наклеила на стекла бумажные полоски (чтобы не вылетели при сотрясании), и окна стали к вечеру завешивать плотными шторами. Полная блокада Ленинграда установилась 8 сентября 41-го года. Тогда начались сначала бомбежки города, а потом и обстрелы. Как помню, это случилось ночью. Бежали в подвал дома. Сидели на лавках и дрожали от страха и грохота: „Только бы не в наш дом попала бомба!”

Взрослые и даже подростки в это время дежурили на крышах, сбрасывая “зажигалки”. Однажды, когда мама вела меня в садик (кстати, детские сады в Ленинграде назывались “очаг”), мы попали под обстрел, лежали на тротуаре. Слава богу, осколков было мало, так как снаряды попали в дома на другой стороне улицы.

Завод перевели на осадное положение, и мама круглые сутки была на работе, дети стали жить в садике,

как в детском доме. Правда, в подвальном помещении, где менее опасно. Не стало никаких праздников, прогулок. Помню, тихонько сидели на стульчиках, слушали чтение воспитательницы. Один раз зимой мама взяла меня домой и угощала картофелиной в кожуре и желе на блюдечке из столярного клея. Так называемые „организованные” дети, то есть изъятые из семей, были в лучшем положении, чем те, что оставались дома. У нас никто не умер от голода, а домашние — что говорить!

Так прошла зима 1941— 1942 годов. „Дорога жизни” на Ладожском озере растаяла, и стали эвакуировать людей по воде. Летом 1942 года и наш детсад посадили на прогулочные катера. Только отплыли от пристани, вокруг стали вставать красивые фонтаны воды! Нас, как помню, старались от окон отозвать, стали нам читать книжки. А потом выяснилось, что наш караван бомбили фашисты с самолётов, несмотря на красные кресты.

Так мы были эвакуированы в Пензенскую область, Кузнецкий район, в бывший санаторий „Белое озеро”. Как там было здорово! Леса кругом, прозрачайшие озера, колхозная деревня недалеко. Мы помогали колхозникам в меру сил (заготавливали липовые веники козам на зиму), а они давали нам молоко и овощи. А после концертов, которые мы давали в колхозе, нас всегда угощали кашей с молоком. Сами детсадовцы и огороды обрабатывали для себя, и топливо на зиму заготавливали, и учились! Под школу выделили избу, и старенькие муж и жена, эвакуированные с Украины, учили нас. Как мы старались! Ведь этим, считалось, помогали стране.

День Победы запомнился на всю жизнь. Все мы знали — скоро домой! Но радость всегда рядом с печалью: в Ленинград в июле месяце поехали только те, у кого остались живы родные.

Боже мой, как был разбит город! Но заводы, магазины, больницы, школы, библиотеки и театры работали. В 8 утра в нашем рабочем Ленинском районе раздавались гудки заводов и фабрик. Так начинался рабочий день.

На день мама давала задание: убрать комнату, подмести и вымыть пол, купить квас (если лето), керосин для примуса (газ в Ленинграде провели только в 1950 году, а до этого варили на керосинках и примусах), получить хлеб по хлебным карточкам: у мамы по рабочей — 500 грамм, а у меня по детской — 200 грамм. Папа после войны в семью не вернулся, и мы с мамой остались одни. В 1948 году мама умерла — сказалась блокада. И пришлось мне начать свою трудовую жизнь: учиться шить детские и женские головные уборы. Десять классов закончила в вечерней школе, получила серебряную медаль и без экзаменов поступила в Ленинградский военно-механический институт (там была большая стипендия). Студенческая жизнь незабываема!

По окончании вуза мы с мужем получили направление в Челябинск, на Автоматно-механический завод (полагалось три года отработать по направлению). Работа, люди уральские, природа — так и стали мы челябинцами, с 1953 года здесь. Город стал родным. А если, как потом узнали, первый эшелон с хлебом, прибывшим в Ленинград, был из Челябинска, так что говорить: не жалею, что сроднились с Уралом. Здесь образовалось

„Блокадное братство” тех, кто был эвакуирован на Урал с заводами, кто своим трудом ковал Победу нашей страны над фашистскими захватчиками, кто остался здесь жить по окончании войны. Через реку Миасс по проспекту Победы мост назван „Ленинградским”, и там установлена памятная арка. Возле неё 8 сентября ежегодно отмечается печальная дата установления полной блокады Ленинграда.

Нас, блокадников, остается всё меньше и меньше. Но наши дети и внуки — уроженцы и патриоты Урала».

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ НА ВОЙНЕ — ЭТО КУХНЯ ДЛЯ СОЛДАТА

Всё дальше от нас события Великой Отечественной войны. Всё сложнее нам представить, что приходилось испытать бойцам на войне. Как жил солдат на фронте, в каких условиях воевал, как был одет, что ел, чем занимался в короткие передышки между боями, что согревало его душу и напоминало о доме? Душой любого подразделения на фронте была военно-полевая кухня. «Солдат на фронте без ложки — голодный солдат, а голодный солдат — не боец» — гласит народная пословица. А сами бойцы говорили, что у солдата при себе всегда должно быть «оружие для беды и оружие для еды», то есть автомат и ложка. Без военно-полевой кухни была немыслима жизнь на фронте и невозможна Победа.

«УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПЕРЕНОСНОЙ ОЧАГ»

Первые полевые кухни появились в Германии в 1892 году. В патенте на её изобретение она называлась «полевая плита». Она имела два котла: в одном готовили пищу, в другом — варили кофе. Кайзеровская армия немедленно приняла её на вооружение.

Спустя несколько лет полевая кухня появилась и в России. Военное министерство Российской империи объявило конкурс на лучший проект военно-полевой походной кухни. Конкурс победителя не выявил, но из 15 образцов наиболее удачными были признаны однокотловые четырёхколесная пехотно-артиллерийская и двухколесная кавалерийская кухни варшавской фирмы «К. Брун и сын». «Боевое крещение» они получили во

время Китайского похода 1900 — 1901 годов. На вооружение российской армии были приняты ещё две походные кухни — М. Боголюбского и Ф. Маргушина.

Однако самым удачным и известным незадолго до Первой мировой стал проект полевой кухни подполковника Антона Турчановича. Подполковник начинал военную карьеру простым солдатом, поэтому прекрасно знал, в каких условиях будет использоваться кухня и какие требования к ней будут предъявляться.

«Универсальный переносной очаг», как называли изобретение Турчановича, был максимально прост и состоял из двух котлов, закреплённых на повозке, и отдельного ящика с кухонной утварью и продовольствием. Один котёл предназначался для приготовления супов, другой — для каш. Котёл обладал специальным покрытием — «масляной рубашкой», благодаря чему пища не пригорала. Чтобы накормить полноценным обедом роту солдат, а это ни много ни мало — 250 человек, требовалось всего 4 часа. Котёл для первых блюд ёмкостью 90 литров закипал за 40 минут. В качестве топлива можно было использовать и хворост, и торф, и уголь.

Подполковник Турчанович за своё изобретение был произведён в полковники и получил орден Святого Владимира 3-й степени, а солдаты получали теперь горячее питание в обязательном порядке. К военным специалистам добавилась новая — повар.

Усовершенствованные и облегчённые версии изобретения Турчановича прошли с советскими войсками всю Великую Отечественную войну, а сам изобретатель умер от голода в городке Брацлаве под Винницей в 1943 году во время фашистской оккупации от голода.

ОБЕД НЕ ПО РАСПИСАНИЮ

Горячее питание солдатам Великой Отечественной полагалось утром до рассвета и вечером после заката. Световой день бойцы проживали на хлебе и консервах. Готовить еду на марше было невозможно, а разводить огонь ночью — значит выдать себя противнику. Даже просто готовить в условиях непрерывных боев было подвигом.

Повара старались сделать всё возможное, чтобы скрасить фронтовое меню и успеть вовремя накормить голодных солдат. В наступлении кухня должна не отставать, во время позиционных боёв — быть укрытой, чтобы по дымку не била вражеская артиллерия, а в отступлении — быстро менять позицию.

Иногда возникали и эксцессы: кухня могла отстать или не найти своих. А в ситуациях, связанных с форсированием рек, кухня оставалась на своей стороне, пищу приходилось возить на плацдарм в термосах и другими подручными средствами. В сентябре 1943-го авангард 155-й стрелковой дивизии форсировал Днепр, а кухня застряла на противоположном берегу. Повару пришлось переправлять горячую пищу на лодках под вражеским огнём.

Имя этого повара, как и имена многих других героев-кашеваров, осталось неизвестным. Но об их подвиге мы никогда не забудем. Ведь повара несли ответственность за судьбы десятков сослуживцев. И если кухня не могла пробиться к своим из-за обстрелов или непроходимых лесов, над солдатами нависала угроза голодной смерти.

Не раз фронтовым поварам приходилось откладывать в сторону поварёшку и брать в руки винтовку. В августе

1941 года в районе города Двинска (ныне Даугавпилс, Латвия) Иван Павлович Середа готовил обед для красноармейцев. Вдруг он заметил немецкий танк, двигавшийся в сторону полевой кухни. Вооружённый только винтовкой и топором, Иван Середа укрылся за кухней, дождался, пока танк остановится. В этот момент храбрый повар выскочил из-за кухни и бросился к танку, ударами топора согнул ствол пулемёта и куском брезента закрыл смотровые щели танка.

Затем он начал стучать обухом топора по броне, отдавая приказы красноармейцам, которых рядом не было, забрасывать танк гранатами. Экипаж сдался, а Иван Середа под прицелом винтовки заставил их связать друг другу руки. Когда подоспели бойцы стрелкового подразделения, они увидели танк и связанных четырёх немецких танкистов. По оценке командира 21-го механизированного корпуса генерал-майора Д.Д. Лелюшенко, Иван Середа «своим отважным поступком показал исключительный пример героизма».

О подвиге повара довольно быстро стало известно Верховному главнокомандующему, 31 августа 1941 года вышел Указ о присвоении И.П. Середе звания Героя Советского Союза.

Отважный повар прошёл всю войну, был несколько раз ранен, стал офицером. Войну Иван Середа закончил в звании старшего лейтенанта и был награждён орденом Отечественной войны 2-й степени.

В 1943 году для поощрения военных поваров были учреждены специальные нагрудные знаки «Отличный повар» и «Отличный пекарь». Награждали ими «за отличное приготовление вкусной, разнообразной пищи в

боевой обстановке, быструю доставку горячей пищи и чая бойцам, использование местных источников витаминов и зелени». За время войны таких нагрудных знаков удостоились около 33 тысяч военных поваров.

ФРОНТОВЫЕ НОРМЫ

12 сентября 1941 года Постановлением Государственного комитета обороны СССР в Красной армии были установлены нормы питания. Они не менялись на протяжении всей войны вне зависимости от ситуации на фронтах. Более того, несмотря ни на какие трудности, командование армии и руководство страны требовали соблюдать жёсткие нормы в питании бойцов.

В Красной армии существовали 11 норм питания в зависимости от рода войск, непосредственного участия в боевых действиях и звания. В ежедневный паёк солдата входило: 800 г хлеба летом и 900 г — зимой, полкило картофеля, 320 г других овощей, 170 г круп или макарон, 150 г мяса, 100 г рыбы, 50 г жиров и 35 г сахара.

Этот рацион был рассчитан для пехоты. А вот лётчикам не только доставалось чуть больше в граммах крупы, овощей, мяса и сахара, но и даже совершенно роскошные по тем временам молоко (200 г свежего, 20 г сгущенного), творог (20 г), сметана (10 г), яйцо (0,5 шт.), сыр (20 г) и сухофрукты. На флоте в рацион были обязаны добавлять квашеную капусту, солёные огурцы и сырой лук.

Офицерский паёк был богаче, в него входили дополнительно 40 г масла или сала, 20 г печенья и 50 г рыбных консервов. Конечно, высший генеральский состав мог позволить себе и кое-какие деликатесы, а вот лейтенанты чаще всего ели из общего солдатского котла.

Эта разнарядка предназначалась для войск на передовой. Тыловые части, подразделения «второй линии» питались хуже, их рацион был практически почти в половину меньше по нормам, чем у частей на фронте.

В стихотворении Самуила Маршака «Полковая кухня» есть такие строки:

По дороге, громыхая,
Едет кухня полковая.
Повар в белом колпаке
С поварёшкой в руке.
Он везёт обед шикарный —
Суп с трубою самоварной.

На деле до шикарного обеда было далеко. Меню военно-полевой кухни никогда не отличалось разнообразием, ведь кашевары возили с собой очень ограниченный набор продуктов. Картошка, лук, тушёнка, сало, сушёная рыба — всё то, что долго не портится. Но повара умудрялись готовить для бойцов не только питательные, но и вкусные блюда. Самые популярные — кулеш, борщ, щи, гороховый суп, гречка с мясом, тушёный картофель. Ну а настоящим деликатесом у бойцов считалась вобла на пару. Пересушенную и очень солёную рыбу долго вываривали, а затем ели вместе с картошкой.

Особой статьёй в питании наших солдат были ленд-лизские продукты — тушёнка (советские бойцы прозвали её «второй фронт»), консервированные сосиски, консервированная ветчина, кукурузная мука. К месту приходились и трофейные продукты.

Летом сама природа помогала выживать бойцам в тяжёлых условиях фронтовых будней. Грибы, ягоды, дикий мёд, рыбалка, брошенные на полях овощи или картошка регулярно пополняли солдатские котелки. Гражданское население хоть и само недоедало, всеми силами поддерживало армию, а солдаты старались помочь мирным жителям чем могли: вскопать огород, подправить забор, подкормить стариков и сирот из полковой кухни.

СОЛДАТСКАЯ ЛОЖКА

Солдатская ложка — свидетель тысячи четырёхсот восемнадцати кошмарных дней и ночей войны... На фронте у каждого солдата имелась собственная ложка, часто взятая из дома, на память о семье. Выдавалась солдату и уставная алюминиевая ложка выпуска завода «Красный выборжец». На войне ложка для солдата служила не только по прямому назначению.

Из воспоминаний фронтовика Михаила Фёдоровича Заваротного:

«У каждого солдата в то время была за голенищем сапога ложка, как мы её называли, “шанцевый инструмент”^{*} — алюминиевая штамповка. Но должен сказать, что она выполняла роль не только столового прибора, но и была своего рода “визитной карточкой”. Объяснение этому такое: существовало поверье, что если ты носишь в брючном кармане-пистоне солдат-

^{*}*Шанцевый инструмент* — инструмент, предназначенный для производства работ по окапыванию, по устройству окопов, траншей и т. п. (лопата, топор, кирка и т. п.).

ский медальон — маленький чёрный пластмассовый пенал, в котором должна лежать записка с данными (фамилия, имя, отчество, год рождения, откуда призван), то тебя обязательно убьют. Поэтому большинство бойцов просто не заполняли этот листок, а некоторые даже выбрасывали сам медальон. Зато все свои данные выцарапывали на ложке...»

И сегодня поисковики устанавливают фамилии найденных погибших солдат чаще всего по ложкам...

ПРОВОДНИКИ ИЗ МИРА ТЕМНОТЫ

Победа в Великой Отечественной войне досталась советскому народу высокой ценой. В книге «Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование», подготовленной историками под руководством генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева, приводятся данные о числе раненых во время Великой Отечественной войны: по донесениям фронтов, флотов, отдельных армий и флотилий санитарные потери советских войск составили 18 344 148 человек, в том числе 15 205 592 раненых, контуженых и обожжённых, 3 047 675 заболевших и 9 0881 обмороженных. Сколько из них потеряли в результате ранения зрение — неизвестно.

Ранения глаз отличались особой тяжестью и, как следствие, приводили к появлению большого количества слепых людей. По отчётам госпиталей времён войны среди военноослепших подавляющее большинство были пехотинцами; далее следуют сапёры, миномётчики, танкисты. Человек, неожиданно потерявший зрение в возрасте наивысшей работоспособности, встречает это событие как величайшую трагедию, которая выбивает его из жизненной колеи, производит переворот в психике. В этот тяжёлый момент он особенно нуждается в деятельной помощи и поддержке.

В августе 1941 года Наркомат социального обеспечения вместе с Всероссийским обществом слепых выпустил «Инструкцию о работе с военноослепшими (Для медицинских работников и работников Всероссийского общества слепых)». Лучше всего помочь военноослепшему может человек, сам преодолевший недуг слепоты,

или тот, кто имеет опыт обучения и реабилитации незрячих. И чем раньше придёт эта помощь, тем лучше.

В Советском Союзе уже был опыт помощи военноослепшим. Ещё в 1939 году в период советско-финской войны выдающийся российский тифлопедагог, учёный Борис Игнатьевич Коваленко организовал в Ленинграде на базе Педагогического института им. Н.И. Герцена «Курсы подготовки военноослепших к поступлению в вуз и интеллектуальному труду». «Несомненно, что потеря зрения глубоко потрясает человека, но при современном состоянии науки нет оснований считать ослепшего навсегда выбитым из жизненной колеи. Там, где офтальмология оказывается бессильной, в свои права вступает тифлопедагогика», — писал Б. И. Коваленко. Тогда же при его участии был организован первый в стране интернат для военноослепших, в котором особое внимание уделялось профессиональному обучению.

В августе 1941 года курсы были эвакуированы в Пермь. В годы Великой Отечественной войны Пермь (с 1940 по 1957 годы она называлась Молотов) и вся Пермская область стали одним из важнейших центров эвакуации промышленных предприятий и граждан из оккупированных и прифронтовых регионов. За годы войны в Пермской области было создано 149 эвакуационных госпиталей для раненных на фронтах северо-западного и центрального направления. Первые инвалиды по зрению появились в Пермской области уже в 1941 году. Они были защитниками Москвы и Ленинграда, участвовали в боях на территории Прибалтики и Белоруссии. Среди них были и рядовые, и офицеры — танкисты, сапёры, пехотинцы. Их всех объединяла общая судьба — быть слепыми до конца жизни.

Б.И. Коваленко был назначен консультантом военно-врачебной комиссии Уральского военного округа по делам помощи военноослепшим. Он предложил Пермскому педагогическому институту взять курсы в своё ведение. Несмотря на тяжёлое положение с помещениями, так как большая часть корпусов института была отдана под эвакогоспиталь, руководство института приняло предложение Коваленко. В это время ректором института был В.С. Павлюченков. Он оказался учеником Бориса Игнатьевича, когда тот в 1920-х годах работал учителем в сельской школе в Смоленской области. Коваленко узнал своего бывшего ученика через столько лет по голосу, чем глубоко поразил Павлюченкова.

Борис Игнатьевич Коваленко родился в 1890 году. Учась на юридическом факультете Петербургского университета, одновременно работал воспитателем в колонии несовершеннолетних правонарушителей. В Первую мировую войну его призвали в армию, но вскоре комиссовали из-за слабого зрения. После 1917 года он работал сельским учителем. В 1921 году после перенесённого тифа в 31 год он окончательно ослеп. Несмотря на потерю зрения, он ещё три года работал сельским учителем.

В 1924 году ему предложили стать директором смоленской школы для незрячих. Сначала он отказался, объяснив своё решение тем, что работать в такой школе ему будет тяжело в моральном отношении, так как это будет напоминать о его собственном несчастье и изолирует его от зрячих. Его супруга была другого мнения и настояла на его согласии. В жизни Б.И. Коваленко начался новый этап: определилось основное направление его научной работы — тифлопедагогика.

Опираясь на опыт отечественных и зарубежных тифлопедагогов, за пять лет Б.И. Коваленко сумел превратить смоленскую школу в лучшую в стране. Не оставляя работу в школе, Борис Игнатьевич становится членом методической комиссии при отделе социально-правовой охраны несовершеннолетних и принимает активное участие в решении вопросов обучения и воспитания слепых и слабовидящих детей. В 1925 году начинается преподавательская деятельность Б.И. Коваленко: он читает лекции на курсах повышения квалификации учителей школ слепых в Московском педагогическом институте им. В.И. Ленина.

В 1929 году его приглашают в Ленинградский пединститут им. Н.И. Герцена. Борис Игнатьевич получает должность профессора и становится заведующим кафедрой тифлопедагогики. Уже в довоенное время он стремится принимать в институт незрячих и способствует их трудоустройству в специализированные школы. В 1934 году Б.И. Коваленко назначается на должность декана дефектологического факультета Ленинградского пединститута, с которым он будет связан до конца жизни.

Организуя «Курсы подготовки военноослепших к поступлению в вуз и интеллектуальному труду» Б.И. Коваленко и его помощники имели примеры людей с нарушениями зрения, успешно окончивших вуз и занимающихся интеллектуальным трудом. Судьба самого Бориса Игнатьевича была доказательством того, что благодаря упорству и трудолюбию слепые люди могут многого достичь в жизни и работать наравне со зрячими.

Перед курсами была поставлена конкретная цель — подготовка военноослепших к поступлению в вуз и привлечение их к интеллектуальному труду. На практике

Борис Игнатьевич и его коллеги преподаватели оказывали учащимся курсы и психологическую помощь, помогали им приспособиться к новым обстоятельствам и включиться в жизнь общества.

Уже 1 сентября 1941 года курсы возобновили свою работу при Пермском пединституте, правда, пока в пригородном посёлке Нижняя Курья. Эвакуированные вместе с семьями четыре преподавателя, пять курсантов и три студента Ленинградского пединститута были размещены на частных квартирах в посёлке. Занятия проводились в местной школе. На первом заседании педагогического совета курсов преподаватели единогласно поддержали предложение Б.И. Коваленко вести занятия по полной программе, несмотря на неясность вопроса с финансированием курсов, а значит, и с вопросом об их зарплате.

Едва обосновавшись в Перми, Борис Игнатьевич занялся обеспечением работы курсов, подготовкой необходимой документации для начала их финансирования, налаживанием рабочих контактов с местными органами образования. Но главной его заботой в это время было комплектование курсов военноослепшими. Надо было срочно разослать материалы, подробно рассказывающие о деятельности курсов, по военным округам, военкоматам, госпиталям.

Комплектуя курсы, Борис Игнатьевич вместе со своей верной помощницей — дочерью Ниной — исколесил всю Пермскую область. В госпиталях, в домах инвалидов он беседовал с ранеными, убеждая колеблющихся, вселяя уверенность в павших духом. Многие ослепшие были настолько потрясены случившимся, что лежали неподвижно, повернувшись к стене, и не реагировали ни на

что. Но Борису Игнатьевичу почти всегда удавалось вывести их из депрессивного состояния.

Начинал он с беседы. Спокойным негромким голосом, не реагируя на резкие и часто грубые реплики потерявшего зрение раненого, он рассказывал о том, что со слепотой можно полноценно жить, приводил примеры. Борис Игнатьевич считал победой, если военноослепший соглашался начать учиться чтению и письму по системе Брайля.

В книге историка А.Ф. Малышева «Пермский педагогический институт — фронтовикам» рассказывается история Николая Стёпина. Он был ранен в 1943 году, когда взвод, которым он командовал, под огнём противника наводил переправу через реку Сейм около города Рыльска. Последствия ранения были тяжёлыми — правая рука ампутирована, нога в гипсе, контузия и полная потеря зрения. Полтора месяца Николай находился между жизнью и смертью, перенёс пять операций и был эвакуирован в Пермь.

Молодой организм и усилия врачей сделали своё дело, Николай начал поправляться. Но тут возник вопрос: как жить дальше? И ответа на него не было. Николай стал хмурым, раздражительным, замкнулся в себе. Перед его выпиской в госпитале появился Борис Игнатьевич Коваленко. Он сумел разговорить Николая, рассказал ему о себе, об успехах ослепших курсантов, убеждал в возможности получения высшего образования и устройства на работу.

На следующий день Борис Игнатьевич принёс с собой толстую брайлевскую книгу. Дал её в руки Николаю, показал, как можно её читать. И отчаявшийся фронтовик понял, что это единственный реальный выход из

положения, в котором он оказался. Через полтора года Николай Яковлевич Стёпин получил аттестат с отличием. Так была одержана первая победа — получено среднее образование. Дальше — Пермский пединститут, а после него работа преподавателем в Пермском горном техникуме.

Автор книги А.Ф. Малышев воевал с 1941 года сапёром. Ослеп после ранения в августе 1942 года. Он тоже учился на курсах военноослепших. После войны окончил исторический факультет Пермского педагогического института, после получения степени кандидата исторических наук работал там же преподавателем.

В январе 1942 года курсы начали работать на базе общежития пединститута. В марте этого же года работа курсов вышла на новый этап — начало систематической работы тифлопедагогов в госпиталях Перми по обучению военноослепших чтению и письму по системе Брайля.

С 1941 по 1944 года в глазных отделениях пермских госпиталей обучением системе Брайля сотрудниками курсов, членами пермского отделения ВОС было охвачено почти 300 военноослепших. Одновременно проводились занятия по самообслуживанию и пространственной ориентировке. Те слабовидящие и незрячие фронтовики, для кого было целесообразнее работать на производстве, а таких было большинство, уже в госпиталях направлялись в кабинеты трудотерапии. Эти кабинеты организовывались с помощью военных заводов, куда военноослепшие после выздоровления приходили на работу.

На военных заводах организовывали специализированные участки, приспособленные для работы без зре-

ния. В случае необходимости использовали приспособления для тех, кто имел повреждения конечностей. Это хорошо действовало на моральное состояние военноослепших. Они понимали, что помогают фронту.

Не все военноослепшие хотели оставаться в городе и работать на производстве. Те, кто был родом из деревни, тосковали по земле. Для них Б.И. Коваленко организовал специальные курсы при Кунгурской сельскохозяйственной школе, разработал для них программу и учебный план.

Некоторые военноослепшие после окончания курсов направлялись в музыкальные школы. Однако Борис Игнатьевич предостерегал от необдуманного решения связать свою жизнь с музыкой, говорил, что кроме музыкальных способностей понадобятся усидчивость и завидная работоспособность. Н.В. Разживайкин выбрал музыкальное образование. В бою под Ленинградом в 1942 году он получил серьёзное пулевое ранение головы. Прямо из госпиталя он приехал на курсы военноослепших в Пермь. После курсов окончил Пермское музыкальное училище по классу баяна и связал свою дальнейшую жизнь с музыкой.

На курсы военноослепших для обучения по системе Брайля принимались все желающие, независимо от того, сколько классов средней школы они окончили до войны. А вот для зачисления на курсы по подготовке к поступлению в институт были некоторые условия: военноослепший должен был иметь не менее 6 — 8 классов средней школы.

На курсах велась работа по пространственной ориентировке. Курсанты учились правильно пользоваться тростью, использовать все возможные ориентиры звуки,

запахи, характер поверхности под ногами. Были занятия по самообслуживанию в быту.

Каждому курсанту дополнительно к пенсии выплачивалась стипендия в размере 150 рублей. Военноослепшие размещались в институтском общежитии, а семейных устраивали на частных квартирах. Питание было организовано в столовых военторга, отоваривание карточек в специальном магазине. Большинству курсантов полагалось дополнительное питание.

На курсах и в госпиталях работали тифлопедагоги, люди, сами преодолевшие слепоту, любящие и знающие своё дело. Это супруги Варвара Алексеевна и Вячеслав Александрович Бершатские, Дарья Ефимовна Вайнцвейг. К работе с военноослепшими были привлечены лучшие педагоги города. Они успешно освоили приёмы и методы обучения слепых, а главное — нашли к ним правильный подход: не жалость и скидка на слепоту, а разумная требовательность, всемерная помощь в преодолении трудностей.

Работа с военноослепшими в госпиталях была, как правило, индивидуальная. Однако Б.И. Коваленко считал, что коллективная подготовка имеет ряд преимуществ. С одной стороны, курсантов морально поддерживает совместное обучение, с другой стороны, группу легче обеспечить квалифицированным составом преподавателей и необходимым для занятий оборудованием.

Нина Борисовна Коваленко в своей книге об отце пишет, что брайлевских учебников и наглядных пособий, конечно же, не хватало, и педагоги проявляли большую изобретательность, изготавливая из толстой бумаги рельефные карты и другие пособия. Бумагу для письма по Брайлю поставляла Краснокамская бумажная фабрика

Госзнака. Занимались на курсах небольшими группами. Занятия длились 6 часов, после трёхчасового отдыха — подготовка домашних заданий с помощью чтецов. Для курсантов это была значительная нагрузка.

Бориса Игнатьевича иногда спрашивали с укором, почему курсанты так много работают, зачем военноослепшие начинают работать ещё в госпитале, а после выписки сразу же начинают учиться на курсах, лучше бы отдохнули. На это он всегда отвечал, что труд для человека имеет очень важное значение, а для потерявшего зрение — особенно, так как помогает поверить в свои силы, завоевать уважение окружающих. Включаться в работу необходимо сразу же после госпиталя.

Если нужно подлечиться, нельзя откладывать и дня, однако безнадёжные поиски зрения только разоружают в перестройке на новые пути жизни. Необоснованные обещания врачей вернуть или улучшить зрение, которые иногда дают для успокоения раненого, в ряде случаев приносили большой вред. Ослепшему нужно говорить горькую правду о потере зрения, но и одновременно показывать выход.

Постепенно к ослепшим фронтовикам возвращалась способность смеяться, шутить, радоваться. Курсанты были приняты в студенческую среду, участвовали в жизни института, в субботниках по заготовке дров и культурных мероприятиях. Так рождалась крепкая дружба, основанная на взаимном уважении и взаимной помощи. Новичков на курсах встречали тепло, окружали их вниманием и оказывали необходимую помощь.

За время работы курсов в Перми с 1941 по 1944 год через них прошло более 100 человек. 27 человек окончили исторический факультет Пермского пединститута

и связали свою жизнь с народным образованием. Среди них М.И. Власов, более 20 лет он работал учителем в школе взрослых слепых в Перми. Другие, окончив музыкальное училище, выбрали музыкальное поприще.

Большинство окончивших курсы военноослепших пошли трудиться на производство. В 1940-х — 1950-х годах они работали в артелях инвалидов и на производствах, приспособленных для незрячих. В последующие годы, когда в Перми были открыты УПП ВОС, почти все они перешли на работу туда. Некоторые военноослепшие, начав трудиться рабочими, выросли позднее в крупных руководителей — директоров УПП ВОС.

Важную роль выпускники курсов сыграли и в руководстве Пермским областным правлением ВОС и первичными организациями.

«Я ученик Бориса Игнатьевича Коваленко, я коваленковец», — с гордостью говорил заслуженный учитель, краевед А.И. Шамин на слёте бывших учеников Б.И. Коваленко в Перми, посвящённом 100-летию со дня его рождения. Один из его учеников, учитель вечерней школы для незрячих в своём выступлении сказал: «В очень трудный, переломный момент нашей судьбы без громких слов и в ходе кропотливой работы Борис Игнатьевич помог десяткам и десяткам раненых фронтовиков заново найти себя и определиться в жизни».

ПРОБА ПЕРА

Александр Панасюк

ученик 10 класса МБОУ «С(К)ОШ

№ 127 г. Челябинска»

ОХОТНИК НА «ТИГРОВ»

Я учусь в школе № 127 города Челябинска. А соседняя школа № 30 носит имя Героя Советского Союза Николая Худякова, в которой он когда-то учился.

Худяков Николай Александрович — наводчик противотанкового оружия. Участвовал в нескольких операциях, в том числе на Курской дуге, Проскуровско-Черновицкой наступательной операции. В боях за Подволочиск и станцию Фридриховка он проявил отвагу, дважды был ранен, но не покинул место боя и сумел уничтожить три тяжелых танка противника «Тигр».

Это сухие строки его военной биографии. Но нигде — ни в интернет-источниках, ни в газетных статьях о челябинцах, героях Великой Отечественной войны, где Николая Худякова называют охотником на «Тигров», нет подробностей того героического боя. Документы о том сра-

жении хранятся в Объединённом архиве Челябинской области и Музее школы № 30.

Фашистские танки прорвались неожиданно. Во Фридриховке находился архив фронта, который не успели эвакуировать. Он никак не должен был попасть в руки немцев. На чердаке школы Николай Худяков оборудовал огневую точку. В одиночку, будучи раненым, он сумел подбить три самых «непробиваемых» фашистских танка, которые перегородили мост через речушку и не дали врагу зайти в населённый пункт. Спасительное время — и архив удалось вывезти. Именно за этот подвиг Николай Худяков и был награждён высшей наградой. При награждении оказалось, что он был самым молодым героем Советского Союза, так как Николай добавил себе возраст, чтобы попасть на фронт.

После госпиталя боец возвращается в строй. К сожалению, точная дата гибели героя не установлена. Он пропал без вести при форсировании реки Одер в феврале 1945 года. Ему было неполных двадцать лет. А до Победы оставалось совсем немного...

Память о герое жива. В Челябинске есть улица Худякова, школа носит его имя, установлены памятные доски.

Иду в школу и представляю, что где-то здесь, возможно той же дорожкой, только много лет назад, спешил на уроки будущий герой. Он жил в поселке Шершни и каждый день преодолевал несколько километров до школы в городе.

Где черпали силы мальчишки, ненамного старше меня, почти мои ровесники, чьё взросление пришлось на военное время? Сложно ответить на этот вопрос.

Вера Куличкова

ученица 7 класса МБОУ «С(К)ОШ

№ 127 г. Челябинска»

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

Я люблю читать. Некоторые книги прочитываю дважды. Моя любимая книга — «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого. Её я перечитывала много раз. Это одно из самых сильных произведений, прочитанных мной.

В моей семье хранится история подвигов и моих прадедов. Это только начало в исследовании причастности нашей семьи к подвигу русского народа. И сегодня я записываю две истории. Первая — история жизни моего прадеда со стороны мамы Василия Петровича Шелопут. К началу войны он преподавал в Киевском военном училище связи. В декабре 1941 года ушёл на фронт командиром инженерной службы 301-ой стрелковой дивизии 28 армии Западного фронта. В августе 1943 года под Воронежем был контужен и попал в плен.

Советские военнослужащие, попавшие в плен, сначала содержались либо в прифронтовой зоне, либо в так называемых дулагах, пересыльно-сортировочных лагерях для военнопленных, расположенных в оперативном тылу немецких войск. Оттуда их перемещали в стационарные лагеря для военнопленных.

Мой прадед, оказавшись в прифронтовом лагере, дважды пытался бежать. После второго, удачного побега, оказавшись у своих, попал уже в наш лагерь НКВД по репатриации военнопленных.

В лагерях по репатриации существовал гулаговский режим: колючая проволока, вышки и посты, прожектора

по ночам, запрет на выход, конвоирование до места работы и обратно и т.д. Как ни странно, но особенно жёсткий режим ждал тех, кто в немецких лагерях принимал участие в побегах или находился в рядах сопротивления, в таких случаях карточка заключенного отмечалась красной полосой, означавшей — «склонен к побегу».

За время войны на моего прадедушку дважды (!) приходили похоронки, но семья не верила в его смерть и ждала. Вышел из лагеря он в 1947 году с поражением в правах. Сейчас не все знают, что это такое. Сразу возвращаться домой не стал, боясь, что пострадают близкие. После, когда он устроился в Рубцовске и нашёл работу, к нему приехала семья.

В трудное время проходило детство моего дедушки — Юрия Васильевича Шелопут, который родился за два года до начала войны. С мамой и старшим братом в эвакуации они пережили войну, веря, что отец вернётся живым. Освобождение и возвращение отца из лагеря воссоединило семью. Но также и сказалось на дальнейшей жизни всех членов семьи — шрамом легло на их судьбы. А в 1985 году он был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Вторая история касается моего прадеда и прабабушки по линии папы — Ивана Васильевича и Антонины Александровны Булатовых. Последние годы войны они прошли вместе.

Прадед Иван Васильевич Булатов был призван в Красную армию в 1939 году и сразу был отправлен на Западную Украину в составе кавалерийского полка. Там и встретил начало войны. Был дважды ранен. Служил в разведке, потом в контрразведке СМЕРШ. Закончил войну в звании майора уже на Восточном фронте в 1946 году, где воевал с Японией.

У прабабушки Антонины Александровны Булатовой начало войны совпало с выпускными экзаменами фельдшерской школы. В первый же день совсем юная и отважная девушка ушла добровольно на фронт и всю войну служила медсестрой во фронтовом госпитале. На войне познакомилась с моим прадедушкой, и они поженились. После войны и до самой пенсии она работала в Челябинской областной больнице.

Мои прабабушка и прадедушка Булатовы награждены медалями и орденами Великой Отечественной войны.

Я горжусь своими дедами и прадедами, но не только своими. Я люблю читать бережно написанные рассказы, биографии, повести про совсем незнакомых мне людей. И я уверена — каждый раз, соприкасаясь с этими важными страницами, хранящими истории военных подвигов, мы получаем возможность познать неведомую глубину, силу, великодушие и способность к высокой жертвенности наших соотечественников, стоявших на защите нашей Родины.

Надежда Еремеева

ученица 6 класса МБОУ «С(К)ОШ

№ 127 г. Челябинска»

МОЙ ГЕРОЙ

В этом году мы отмечаем 80-летний юбилей Победы в Великой Отечественной войне — времени, когда наша страна смогла победить фашистов. И в этот день я хочу вспомнить о неизвестных солдатах, которые сражались за наше будущее и там, на полях боев, оставили свои жизни во имя поколений, которые придут после них.

В моём понимании героизма, я вижу не только тех, кто был удостоен наград и званий за свои подвиги, но и тех, кто сражался в страшных условиях войны, не имея возможности отличиться особыми действиями. Именно эти неизвестные солдаты для меня являются настоящими героями. Они шли на смерть ради своей Родины, ради будущего своих детей, не жалея собственной жизни.

Одно из качеств неизвестных героев, которое особенно впечатлило меня — это их высокая стойкость и мужество в самых тяжёлых ситуациях. Они, несмотря на страх и ужас войны, продолжали бороться и верить в победу. Их поступки заслуживают уважения и восхищения, ведь не каждый способен проявить такую душевную силу в момент испытаний. Характер и поступки неизвестных солдат были настоящим примером самоотверженности, преданности и защиты Родины. Несмотря на то, что многие из них остались безымянными и не получили заслуженного признания, их героические поступки не должны быть забыты.

Героев, как известных, так и неизвестных, нужно помнить всегда. Их жертвенная борьба и патриотизм должны быть в сердце каждого из нас, чтобы мы могли ценить и уважать тех, кто отдал свою жизнь за наше будущее. Великая Победа должна оставаться в нашей памяти как яркий символ героизма и мужества наших предков, которые отдали всё за нас и наше счастье. И если бы не их мужество и отвага, то, возможно, меня бы не было сейчас.

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Лев Евтюхин

Стоял апрель, черёмуха цвела,
Опять весна у каждого порога.
Мы шли вперёд, на запад нас вела
Тяжёлая военная дорога.

Не мне писать с восторгом о весне,
Пытался не однажды, да куда там!..
Но рассказать правдиво о войне —
Святое право каждого солдата.

Я помню утро, только рассвело,
А бой уже шумел на полустанке,
В сожжённое фашистами село
Ворвались наши головные танки.

Мела в лицо свинцовая метель,
Неистово рычали миномёты,
И падала железная капель
На плечи наступающей пехоты.

Но что могло тебя остановить?!
Какой огонь, какого пулемёта?!

Когда ты шла не умирать, а жить,
Прославленная русская пехота!

Бой, не смолкая, уходил вперёд,
Упал сосед: свинец прошёл над бровью...
За каждый дом, за каждый огород
Платили мы своей солдатской кровью.

Павел Михалёв

Про войну кино смотрел ребёнок
И уснул у мамы на груди.
Утром вдруг он закричал спросонок:
— Папочка, постой, не уходи!
Это было в майскую субботу,
Крик его разрезал тишину.
Папа собирался на работу,
А ему приснилось — на войну.

Николай Толмачёв

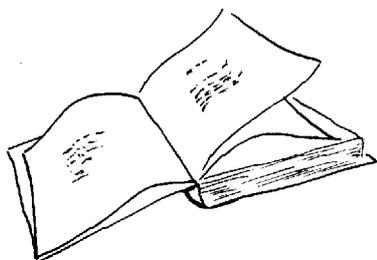
Вот я никак с годами не пойму:
Где памятник из камня иль металла
Простому треугольному письму,
Которое сражаться помогало?
Оно несло на фронт тепло сердец
Через бои, бомбёжки и санбаты.
Как знамя, сберегал его боец.

Листочки эти памятны и святы.
Глубокий смысл всегда в простых словах.
В них скрыт заряд и стойкости, и мести.
И не было преград на всех фронтах
Необходимой «треугольной вести».

Геннадий Калинин

Отшумели бои, отшумели...
И в музеях лежат ордена.
А на фото в походных шинелях —
Молодая когда-то страна...

СТИХИ, ОБОРВАННЫЕ ПУЛЕЙ

Всеволод Багрицкий родился в 1922 году. Писать стихи начал очень рано. В 1940 году он поступил в Литературный институт, но доучиться ему не пришлось.

С первых дней войны молодой поэт добивался отправки на фронт, хотя был снят с воинского учёта из-за сильной близорукости. Он написал заявление в Политуправление Красной армии с просьбой принять его во фронтовую печать и добился назначения в армейскую газету 2-й ударной армии Волховского фронта, которая с юга направлялась на выручку осаждённого Ленинграда.

Всеволод Багрицкий погиб в маленькой деревушке в районе Мясного Бора. Он беседовал с героем будущего

очерка, офицером-зенитчиком, когда началась бомбёжка. Его похоронили на опушке леса у высокой сосны, на которой художник редакции газеты вырезал: «Поэт-воин Всеволод Багрицкий. Убит 26 февраля 1942 года». И тут же строки Марины Цветаевой, которые Всеволод часто вспоминал:

Я вечности не приемлю,
Зачем меня погребли?
Мне так не хотелось в землю
С любимой моей земли.

Уходило солнце. От простора
У меня кружилась голова.
Это ты — та девушка, которой
Я дарю любимые слова.

Облака летели — не достанешь,
Вот они на север отошли...
А кругом, куда пойдёшь иль взглянешь,
Только степь да синий дым вдали.

Средь прохлады воздуха степного
Лёгких ощутима глубина...
Ветер налетал... И снова, снова
Ясная вставала тишина.

Это ночь. И к нам воспоминанья
Тёмные раздвинули пути...

Есть плохое слово — «расставанье»,
От него ни скрыться, ни уйти!

Над дальней равниной
(Зимой или летом)
Летел чёрный ворон
И каркнул над бором.
И в эту минуту
Я вырос в поэта.
И в эту минуту, и в это мгновенье
Взяла меня жизнь в суровые руки.
И мира круженье,
И зябликов пенье
Мне стали понятней
Всякой науки.

ОЖИДАНИЕ

Мы двое суток лежали в снегу.
Никто не сказал: «Замёрз, не могу».
Видели мы — и вскипала кровь —
Немцы сидели у жарких костров.
Но, побеждая, надо уметь
Ждать негодую, ждать и терпеть.
По чёрным деревьям всходил рассвет.
По чёрным деревьям спускалась мгла...
Но тихо лежи, раз приказа нет.
Минута боя ещё не пришла.
Слышали (таял снег в кулаке)

Чужие слова, на чужом языке.
Я знаю, что каждый в эти часы
Вспомнил все песни, которые знал.
Вспомнил о сыне, колы дома сын.
Звёзды февральские пересчитал.
Ракета всплывает и сумрак рвёт.
Теперь не жди, товарищ! Вперёд!
Мы окружили их блиндажи.
Мы половину взяли живьём...
А ты, ефрейтор, куда бежишь?!
Пуля догонит сердце твоё.
Кончился бой. Теперь отдохнуть.
Ответить на письма... И снова в путь!

Борис Богатков родился в 1922 году в селе Балахта близ Ачинска. Борису выпало трудное детство. Ему не было и десяти лет, когда умерла мать, отец был партработником и часто надолго уезжал в командировки. Мальчика забрала в Новосибирск сестра его матери.

Любовь к литературе у Бориса появилась с раннего детства. С 10 лет он сам взялся писать стихи на любых клочках бумаги, которые попадутся под руку. В 16 лет Богатков получил первую награду — грамоту на Всесоюзном смотре детского литературного творчества.

Война застала Бориса Богаткова в Москве, где он учился в Литературном институте. Он явился в военкомат и попросил зачислить его в лётное училище, а его взяли в авиатехники. Не желая служить в тылу, юноша ушёл прямо на фронт, но только в пехоту.

Осенью он получил тяжёлую контузию, был демобилизован из армии и снят с воинского учета. И тогда поэт решил бороться с врагом другим оружием — словом.

Он пишет хлёсткие стихотворные агитки для «Окон ТАСС», его стихи появляются в сибирских газетах, звучат в радиопередаче «Огонь по врагу».

В начале 1943 года, несмотря на запреты врачей, в составе 22-й Сибирской добровольческой дивизии он снова отправляется на фронт командиром взвода автоматчиков. В августе 1943 года его дивизия вышла на дальние подступы к Смоленску. В ожесточённой схватке за Гнездиловские высоты 11 августа гвардии старший сержант Борис Богатков поднял свой поредевший взвод на немецкие траншеи совсем недавно сочинённой им песней. Её подхватили бойцы взвода и прорвали вражеское укрепление. Но Борис Богатков этой победы уже не увидел. Его сразила автоматная очередь. Ему было чуть больше 20 лет.

ПОВЕСТКА

Всё с утра идёт чредой обычной.
Будничный, осенний день столичный —
Славный день упорного труда.
Шум троллейбусов, звонки трамваев,
Зов гудков доносится с окраин,
Торопливы толпы, как всегда.
Но сегодня и проходим в лица,
И на здания родной столицы
С чувствами особыми гляжу,
А бойцов дарю улыбкой братской:
Я последний раз в одежде штатской
Под военным небом прохожу.

У эшелона обнимемся.
Искренняя и большая
Солнечные глаза твои
Вдруг затуманит грусть.
До ногтей любимые,
Знакомые руки сжимая,
Повторю на прощанье:
«Милая, я вернусь.
Я должен вернуться, но если,
Если случится такое,
Что не видать мне больше
Суровой родной страны,
Одна к тебе просьба, подруга,
Сердце своё простое
Отдай ты честному парню,
Вернувшемуся с войны».

Проходит поезд через лес,
Колёсами стучит.
По крепким шпалам льются рельсы
Тяжёлые ручьи.
И, к небесам стремясь большим,
Средь сосен и берёз
Летит такой же русский дым,
Как прядь твоих волос,

Да пляшет, утомляя взгляд,
Деревьев хоровод: передние

Бегут назад, а дальние —
Вперёд...

Павел Коган родился в 1918 году в Киеве. В 1922 году семья переехала в Москву. В 1936 году Коган поступил в Институт истории, философии и литературы (ИФЛИ), в 1939 году перешёл в Литературный институт им. Горького, продолжая заочно учиться в ИФЛИ. В поэтическом семинаре И. Сельвинского, где собралась группа талантливых молодых поэтов, Коган принадлежал к числу наиболее одарённых.

Весной 1941 года Павел Коган в составе геологической экспедиции отправился в Армению. Здесь и застала его Отечественная война. Вернувшись в Москву, он пытается попасть в армию, но получает отказ, так как по состоянию здоровья был снят с учёта. Тогда он поступает на курсы военных переводчиков и, окончив их, едет на фронт. Его назначают переводчиком, потом помощником начальника штаба стрелкового полка по разведке.

23 сентября 1942 года лейтенант П. Коган, возглавлявший разведгруппу, был убит на сопке Сахарная голова под Новороссийском.

ГРОЗА

Косым, стремительным углом
И ветром, режущим глаза,
Переломившейся ветлой
На землю падала гроза.
И, громом возвестив весну,
Она звенела по траве,
С размаху вышибая дверь

В стремительность и крутизну.
И вниз. К обрыву. Под уклон.
К воде. К беседке из надежд,
Где столько вымокло одежд,
Надежд и песен утекло.
Далёко, может быть, в края,
Где девушка живёт моя.
Но, сосен мирные ряды
Высокой силой раскачав,
Вдруг задохнулась и в кусты
Упала выводком галчат.
И люди вышли из квартир,
Устало высохла трава.
И снова тишь.
И снова мир.
Как равнодушие, как овал.
Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!

ЗВЕЗДА

Светлая моя звезда.
Боль моя старинная.
Гарь приносят поезда
Дальнюю, полынную.
От чужих твоих степей,
Где теперь начало
Всех начал моих и дней
И тоски причалы.
Сколько писем нёс сентябрь,
Сколько ярких писем...
Ладно — раньше, но хотя б

Сейчас поторопиться.
В поле темень, в поле жуть —
Осень над Россией.
Поднимаюсь. Подхожу
К окнам тёмно-синим.
Темень. Глухо. Темень. Тишь.
Старая тревога.
Научи меня нести
Мужество в дороге.
Научи меня всегда
Цель видать сквозь дали.
Утоли, моя звезда,
Все мои печали.
Темень. Глухо.
Поезда
Гарь несут полынную.
Родина моя. Звезда.
Боль моя старинная.

НУ КАК ЖЕ ЭТО МНЕ СКАЗАТЬ?

Ну как же это мне сказать,
Когда звенит трамвай,
И первая звенит гроза,
И первая трава,
И на бульварах ребятня,
И синий ветер сел
На лавочку,
И у меня
На сердце карусель,
И мне до черта хорошо,
Свободно и легко,

И если б можно, я б ушёл
Ужасно далеко.
Ну как же это мне сказать,
Когда не хватит слов,
Когда звенят твои глаза
Как запах детских снов,
Когда я знаю всё равно —
Всё то, что я скажу,
Тебе известно так давно,
И я не разбужу
Того, что крепко, крепко спит.
Но не моя ж вина,
Что за окном моим кипит
Зелёная весна.
Но всё равно такой порой,
Когда горит закат,
Когда проходят надо мной
Большие облака,
Я всё равно скажу тебе
Про дым, про облака,
Про смену радостей и бед,
Про солнце, про закат,
Про то, что, эти дни любя,
Дожди не очень льют,
Что я хорошую тебя
До одури люблю.

Незрячий поэт, член Союза писателей СССР, заслуженный учитель Российской Федерации. В 1943 году, подорвавшись на mine, получил ранение и стал постепенно терять зрение. В 1950-е — 1960-е годы учил незрячих, потерявших на войне, зрение чтению и письму по системе Брайля.

ХЛЕБОЗОР

Из неоконченной рукописи воспоминаний

Мы ехали на запад. Мы почти догоняли заходящее солнце, и потому июльский вечер наплывал медленно. Но едва машина миновала село Новопетровское, как синева стала быстро сгущаться. Заструился в низинах туман, и покосы зазвучали вдруг ароматом подсыхающих трав.

Симфония запахов, нереально осязаемых, чуть грустная, но торжественная, кружила нам головы. Мы различали басовитый, навязчиво-горький запах полыни. Переплетая его, словно вьюнок, на высокой ноте трепетал медовый запах луговой каши. Приглушая и выравнивая гамму терпких запахов, ласково и вдохновенно звучала прохладная мята. Концертный зал природы, которому нет ни конца ни края, такой привычный для сельского жителя, нам, горожанам, казался чудом. Впрочем, это и было чудо. Потому что никакая парфюмерия, как бы ни тщился человек, пока ещё не в силах переощетлять всего того, что создаёт в своих потаённых лабораториях земля.

Распаханная или заболоченная, раскалённая зноем или напоённая дождём, она трудится для нас, не требуя ни наград, ни почестей. В самой сути земли заложено, чтоб над ней сияло солнце, чтоб на ней цвели сады, смеялись дети, улыбались женщины. Руины, зола и пепел пожарищ, трещины траншей и воронки от бомб — для неё противоестественны.

Машина плавно съехала с дороги и остановилась на песчаной обочине. Мотор заглох, и в открытые окна хлынула тишина. Её пронизывало звонкое журчание — это неугомонные сверчки щедро и весело расточали свои залиvistые трели. А за холмами и лесами, там, где раскинулся мой родной город Руза, чуть выше насупленных бровей горизонта, играли молчаливые сполохи. Они выхватывали из вечернего сумрака то блестящую петлю реки с застывшей на воде лодкой, то поле глазастых подсолнухов, то широкий клин уже цветущей ржи.

Было что-то мистическое в этих немых и загадочных вспышках. Конечно, можно сказать и сказать совершенно точно, что это гроза, далёкая и потому неслышная. Но в наших краях негромко и таинственно говорят, что это хлебозор, он удлиняет день, и в такие вечера, и в такие ночи хлеба наливаются золотыми соками земли.

Поди угадай, чего здесь больше: мудрости или поэзии. Впрочем, мудрость без поэзии, как и поэзия без мудрости, едва ли могут существовать.

Очарование было такое, что я вышел из машины, взволнованно закурил, не в силах унять растревоженное сердце. Видно, так уж устроен человек, что одно явление воскрешает в душе его контуры другого. И хочешь ты этого или нет, это другое властно вторгается в настоящее. Память, неподвижная, словно доселе дре-

мавшая, начинает стремительно разматывать тугой клубок прошлого.

И побежало под колеса зелёного грузовичка только что асфальтированное шоссе. Мы сидим в кузове. Притихшие и растерянные. Мать, иконописно сложив руки на груди, смотрит невидящими глазами куда-то вдаль. А тут вдали распахивают простор неба голубые зарницы. Наливаются хлеба теплом и светом. Но придется ли нам их убирать? Ощутим ли мы на своих ладонях сытую тяжесть зерна? Грозным эхом докатились до нас первые взрывы войны.

Заметались по дорогам и тропинкам сельские почтальоны. Засуетились, запричитали испуганные женщины. Отец вытащил из сундука гимнастерку, фуражку. Почистил сапоги, снял с гвоздя вещевой мешок — давно ли отгремела финская! Подкатила к фабричной конторе полторка. Плачьте, не плачьте, жёны: надо!

Мы провожали отца до Рузы. Он улыбался, рассказывал смешные истории, и в его голубых глазах блестели золотые искорки. Как я тогда завидовал ему, завидовал всем, кто ехал на войну. Отец, хорошо знавший меня, угадывая мои потаённые мысли, щёлкнул меня по носу: «Что, на фронт хочешь? Мать, может, и его отпустишь? Дадим фашистам жару, ведь мы Суворовы!»

Мать осуждающе качала головой и не торопилась смахивать слёзы с потемневших щёк на осунувшемся вдруг лице. Я почти понимал её горе. Она оставалась одна с нами тремя, с тремя мальчишками, с тремя ртами. А хозяйства никакого: пять кур да несколько грядок картошки. Вернётся ли отец? Отца могут убить! Ужас этого осознания буквально парализовал её. Она, уйдя в себя, то подолгу молчала, то начинала в голос плакать. Я гнал от

себя мрачные мысли, я просто не хотел думать, что на войне убивают. В душе каждого мальчишки живёт жажда романтики боя, романтики наивной, ложной.

Но мужчина уже формируется в нём, в пацане. И не только озорство или любопытство зовёт его в драку, в пекло. В трудные минуты, хотя и не до конца осознанно, пробуждается в нём мужчина, солдат, который должен защитить близких, дом, родную речку, заросшую тростником и кувшинками, полевые тропинки, вдоль которых синим пламенем переливаются васильки, березняк, где знойно пахнет земляника, где наряжаются в цветные платочки крепкие сыроежки...

Родные места! Именно отсюда начинается та великая земля, имя которой — Родина. Именно здесь пестуется, вызревает та великая любовь, которая рождает мужество, рождает подвиг.

Отец, наверное, отлично понимал это и, чтобы утешить меня, уже спрыгнув на землю возле райвоенкомата, сказал дрогнувшим голосом: «Оставляю всех на тебя, береги маму!» Притянул к себе мою рыжую шальную головёнку и выдохнул в самое ухо: «Прощай, сынок!» И зашагал, не оглядываясь, вливаясь в общий поток, чуть сбив на затылок фуражку, в гимнастёрке, подпоясанной широким ремнём. В блестящих хромо-вых сапогах, ладный, стремительный.

Таким он и запомнился, таким он и ушёл от нас навсегда. Сколько отцов и братьев ушло тогда навсегда! Одни не успели вырастить своих сыновей, другие не успели даже жениться, а родоначальниками каких прекрасных династий они могли бы стать!

Но война — это не только грохочущий бой, кровь и пожары, это ещё и конец детству. Мальчишки брались

за косы, садились на тракторы и жнейки — без хлеба не повоюешь. Они вставали к станкам и делали недетское дело — оружие. В один день изменилось лицо нашего посёлка. Он насторожился, посуровел. Окна домов были перекрещены бумажными полосами, словно пулемётными лентами. Люди стали напряжёнными, всегда чего-то ожидающими. Мне казалось, что я слышу, как звенят их натянутые нервы. Фабричный гудок басил теперь только два раза в сутки: в шесть утра и в шесть вечера, с работы и на работу. Медпункт пустовал: никто не хотел и не мог теперь болеть.

В голубом глубоком небе однажды в полдень блеснули самолёты — гости тогда редкие, а потому любопытные. Но вели они себя странно. Они играли, догоняя и обгоняя друг друга: переворачивались брюхом к солнцу, ложились на крыло лениво и беззаботно. То взмывали вверх, то начинали кружиться, что-то высматривая, то стремительно ныряли вниз, вонзая в землю трескучие пулемётные очереди. Снова нежились на солнце, покачивая крыльями, будто плавниками две серебристые уверенные в себе хищные рыбы. Кто-то глухо и обречённо обронил: «Пожаловали и к нам, гады, ох-ма!»

Я ещё не всё до конца осознал, не всё понял, как из-за кромки дальнего леса вымахнули три тупоносых краснозвёздных истребителя. Они, казалось, застыли на миг, к чему-то приглядываясь, и круто пошли в зенит. Ослепительный свет поглотил их. Но через секунду они сомкнулись строем, крыло к крылу, обрушили смертоносный огонь на первого фашиста. Тот, вздрогнув, как-то осел на хвост, разломился пополам и рухнул тусклым дымящимся костром.

Его напарник клюнул от неожиданности носом, ша-рахнулся в сторону и, виляя, как заяц, помчался на запад. «Струсил, гад! Так сказать, наших как-никак тройка!» Бабка, высокая и плоская, как доска, передразнила говорившего: «Тройка, а, сосчитал. А знаешь ты арихметику? Да нешто они втроём? Земля наша, а леса, а речка, а мы? Где они разбойничают, эти!» И она качнула головой в сторону удравшего самолёта: «В нашем небушке, над нашим хлебушком. Спустись к нам наш подраненный сокол, мы бы его и подлечили, и утешили. А выпрыгни к нам энтот, подгоревший, мы бы его!»

Она рванулась к изгороди, выхватила здоровенный кол и внушительно потрясла им. «Корней у них нет, вот что! А без корней сколько руками ни маши, всё равно о землю грянешь!» Она воткнула кол на место, пригодится, мол, и крупно, по-мужски зашагала к дому.

Люди потоптались немного, посудачили и тоже разошлись. Каждый уносил в душе горькую тяжесть, горькие думы свои. Всем было ясно, что гроза приближается, что захлестнёт она и наши подмосковные края. Вой ночной сирены всё чаще обрывал беспокойный сон и выметал жителей посёлка из домов. Мать одевала нас в зимние пальто, нахлобучивала шапки и выталкивала на улицу.

Почему мы надевали зимнее, не знаю, на всякий случай, наверное, мало ли что — впереди зима. К тому же дни хоть и были тёплыми, нас била невольная дрожь.

В посёлке ни огонька, земля придавлена тьмой, а над нами гудящее, пламенеющее небо. Торопливо прощупывали высокую даль снопы прожекторов. Они то сходились, трепетные и угрожающие, а то расходились, чтоб через секунду снова вонзиться в небо и не пропустить

врага. словно ошалелый пчелиный рой, метались трасирующие пули. Они проносились над нами колючими цветными пунктирами. Мои братишки прижимались ко мне, тараша испуганные глазёнки. Витька, веснушчатый, напористый, помалкивал и вздыхал.

Толька, худенький, белобровый, судорожно всхлипывал и вытирал нос рукавом. Я обнимал их за плечи, стараясь скрыть собственный животный страх. Я каждой клеточкой дрожащего тела чувствовал нашу беззащитность. Это злило меня. Я начинал азартно свистеть, даже, кажется, кричать, когда из-под туч срывался вдруг факел горящего самолёта.

А на западе, почти не мигая, стояло плотное зарево. Уже никто не говорил, что это хлебозор. Мистики не было, не было и поэзии. Мы знали, что где-то рушатся в огне дома, умирают люди, что земля задыхается от дыма и крови. Там был и наш отец. Жив ли он?

ПИСТОЛЕТ

1

Та зима в Белорусском Поозёрье началась рано и сразу показала крутой нрав. Одна метель сменяла другую, и за короткое время всё вокруг совсем преобразилось: леса, поля, озёра, реки застыли, замерли, скованные холодом, укрытые снегами.

Но вот наконец засияло солнце, и почти как в былые, довоенные времена зазвенели детские голоса на длинном склоне за Степанихиным садом — извечно любимом месте зимних ребячьих забав.

Денис уже несколько раз ловил внимательный взгляд Юрася и стал держаться поближе к нему. Улучив момент, когда никого не было близко, Юрась тихо сказал:

— Айда на Плешивую горку, скажу что-то.

Немногие рисковали съехать отсюда на лыжах, поэтому никто за ними не увязался. Тут они были вдвоём. Отдышавшись после подъёма, Юрась повернулся к Денису и полушёпотом спросил:

— Помнишь, из Полоцка приезжал немецкий чин и говорил, что Москве вот-вот капут будет?

— Ну, помню.

— Брехал он. Наши разгромили их под Москвой! Много городов и деревень освободили, тысячи пленных немцев и трофеев до чёрта взяли.

— Кто тебе сказал?

— Кто, кто... Ктоколо! Раз говорю, значит, верь.

Да, он не трепло, язык за зубами держать умеет. Не-хорошо, что у них, кроме общего секрета ещё и свой у каждого есть. Юрась скрывает, что его батька припрятал в пуще радиоприёмник, а он, Денис, таит от дружка писто-лет.

— А у меня... это самое... пистолет есть. Летом возле сбитого самолёта нашёл. В пустошах, — признался Де-нис и этим как бы сбросил с себя тяжесть.

— Так вот почему ты патроны у меня просил. И мол-чал столько! Хоть показал бы. Эх ты...

— Прости, что раньше не сказал.

Юрась резко повернулся к нему.

— Прости, прости... Что мне от твоего прости?! За-был, что мы поклялись ничего не таить один от другого?

— Я... это самое... пистолет нашёл ещё до клятвы.

— Давай так: неделю — твой, неделю — мой. Никому обидно не будет. А стрелять в лес пойдём вместе.

— Его, наверное, брат заберёт. Он знает.

— Ах, так! — Юрась разогнался и с силой оттолкнул-ся бамбуковыми палками.

В низине с торчащими из-под снега метёлочками кон-ского щавеля он остановился, но не оборачивался. Ни с того ни с сего спросил вдруг, не глядя на него:

— Как зовут твою учительницу?

— Софья Семёновна. А что?

— Она еврейка?

— Не знаю... — пожал плечами Денис.

— А как её фамилия, знаешь?

— Генфанштейн, Софья Семёновна.

Юрась учился не в той школе, в какую ходил Денис. Откуда же он знает про Софью Семёновну? И зачем ему она? Денис хотел спросить об этом, но Юрась его опередил:

— Где она живёт?

— Марыська Спаткай говорила, в Лисунах вроде.

— Правильно, в Лисунах, — подтвердил Юрась. — Там лес поближе. Так вот. Софью Семёновну Генфанштейн завтра заберут.

— За что? — удивлённо воскликнул Денис.

— А это ты у немцев спроси, за что евреев забирают! — со злостью ответил Юрась и заспешил к дому.

Догнав Юрася, Денис спросил, знает ли учительница про это.

— Как же! Небось телеграмму отбили: никуда не отлучайтесь, Софья Семёновна, ждите эсэсовцев, — с ядовитой иронией сказал приятель. — Последний раз спрашиваю: дашь пистолет на время?

— Придёт Колька — там видно будет.

Опустив голову, Юрась широкими шагами заскользил к концу деревни, где жил.

На душе у Дениса было скверно.

2

Он обошёл стоявший в центре деревни свой дом и направился на хутор Ульяны Спаткай.

Пинька признал его и приветно завозил пушистым хвостом по утопанному им же снегу. Денис приставил к забору лыжи и пошёл в хату.

— Кто к нам пришёл! — расплылась в улыбке покрасневшая у плиты тётка Ульяна. — Как раз на свежие блины поспел, зятёк.

Хорошая она, тётка Ульяна, только зачем его зятьком называет?

Из комнаты выпорхнула сияющая радостью Марыська и потащила его за собой, даже не дав раздеться.

— Чего так долго глаз не показывал? — набросилась она и стала стаскивать с него фуфайку.

Денис смущённо высвободился от девчонки и плотнее прикрыл дверь.

— Ты бываешь в Лисунах, — вместо ответа хмуро сказал он. — Скажи, в какой хате живёт Софья Семёновна?

— Зачем тебе? Хочешь в гости сходить? — игриво спросила Марыська.

Оглянувшись на дверь, Денис полушёпотом рассказал ей то, что сообщил ему Юрась. Марыська испуганно ойкнула и прижала к подбородку ладони.

— Так её ж... О, ужас!

— Послушай, Марыська. Возьмите её к себе. Пусть, это, поживёт у вас, куда наши придут. Разбили ж немцев под Москвой... Возьмите, а? Поговори с мамкой, Марыська?

— А что с ней говорить? Как захочу, так и будет.

Марыськино хвастовство, что она командует матерью, Денису не понравилось. Он нахмурился и отвёл глаза в сторону.

Марыська, видно, почувствовала его неодобрение и быстро проговорила:

— Ладно, ладно, поговорю. Только дай слово, что, когда Софья Семёновна будет жить у нас, ты будешь приходить каждый день.

— Зачем?

— Фу, какой непонятный! Софья Семёновна будет заниматься с нами.

Марыська сходила на кухню и сказала, что мама согласна. Потом девчонка почему-то прищурила глаза, хмыкнула насмешливо, тряхнула подстриженными повзрослому волосами и потребовала:

— Обещай мне не заглядываться на других девчонок.

— Больно нужны они мне, — произнёс Денис ошарашенно.

— А Музу на вечеринке у Степанихи кто целовал в щёку?

— Да... это самое... Моему фантику так присудили.

Вошла тётка Ульяна с горкой блинов в тарелке. Потом она принесла сковородку с шипящими шкварками и пригласила есть.

Он стеснялся есть у чужих людей.

— Что так плохо ешь? — спросила тётка Ульяна. — Сыт или мои блины тебе не по вкусу?

— Вкусно, — еле выдавил он из себя.

— Как мама, папа — здоровы? — поинтересовалась тётка Ульяна, и у него полегчало на душе.

— Ничего. Мама достала шерсти и прядёт, а батька на стройке сивошинского моста работает.

— Сказывают, этот мост партизаны искорёжили, сбросили в реку брёвна, что в Крыштопове в штабелях лежали, они как хлынули разом и поломали мост. Это правда, Дениска, или бают?

Денис почувствовал на себе её взгляд и пожал плечами. С минуту ели молча, затем тётка Ульяна опять заговорила:

— В середине осени за зелёнками ходила и вашего Кольку повстречала. В Кевлинском лесу. С ним какие-то двое были с винтовками, не из тутошних. Подошёл ко мне и говорит: «Вы, тётка Ульяна, не видели нас, понятно?» Что ж тут непонятного? Конечно, не видела...

Тётка Ульяна унесла остатки еды в кухню и осталась там. Денис, надевая фуфайку, посоветовал на ночь закрыть Пиньку в хлеву, а то учует чужого и лай поднимет. Хоть хутор не деревня, но мало ли что...

В передней на полу и на стене судорожно дрожала полоска света, проникавшая из кухни через неплотно прикрытую дверь.

Мать насыпала в большой чугунок мытую картошку и принялась наполнять такой же бураками, чтобы поставить их в печь на ночь.

— На посиделки небось побегут, — имея в виду Веру и Зину, сказал Денис, поджигая новую лучину. В его планы эта задержка дома не входила, и он начинал уже волноваться.

— А нехай, — мягко сказала мать. — Суббота ж. В ту войну мне было столько же, сколько Зине, и тоже бежала. Садись, поешь.

Когда очистил миску, мать велела разуваться и идти спать.

— Мне... это самое... ещё надо сбегать в одно место.

— Это ж надо! Не набегался за целый день!

— Мам, ну мне очень-очень надо... — Денис не отставал от неё, канючил: он уже должен быть в пути.

— Ладно, — наконец сдалась мать. — Принеси дров и ступай себе. Только не загуливайся. Метелица вон начинается.

Он вышел во двор, внимательно огляделся вокруг, взял под поветью* ящик и пошёл с ним за хлев. Там поставил ящик на попа, влез на него и вытащил из-под стрехи резиновый ботинок с оторванным каблуком. В ботинке, завернутый в красноармейскую пилотку, лежал пистолет.

**Поветь* — нежилая пристройка к деревенскому дому для хранения дров, корма для скота и хозяйственного инвентаря.

Он обходил заметённые низинки, старался идти по открытым местам, где снег был не глубоким. Но не увлекался, понимал, что так легко потерять направление.

Как ни выбирал путь получше да полегче, всё же понемногу начал уставать. Оттягивал правое плечо пистолет. Вроде немного весит, а вон как чувствуется. Правду батяка говорил, что в походе и иголка вес имеет. Зато с тем весом, что лежит в кармане, сам чёрт не страшен. Хотя... чёрт не чёрт, а волки встретиться могут. У них свадьба сейчас.

Достал из кармана пистолет, оттянул тугой затвор, дослал патрон в патронник и повернул собачку предохранителя.

Он уже сильно-таки устал. В горле першило, во рту было горько и сухо. Нет, нельзя так гнать, надо беречь силы — впереди ещё долгий путь. Сбавил шаг и тут же споткнулся, упал, беспомощно ткнувшись разгорячённым лицом в обжигающий снег. Медленно перевернулся на спину и замер, широко раскинув руки и ноги. Перевернулся на живот, встал на четвереньки, сел, оглянулся и вздрогнул: три смутные тени — две вытянутые, третья округлая и чуть поменьше — стояли неподалёку. Волки! Оглушительно и неимоверно больно застучало в висках, на мгновение мёртвящий страх сковал тело и через несколько секунд заставил Дениса вскочить на ноги.

Денис лихорадочно потянул запутавшийся в кармане пистолет. С затылка по спине будто ледяная крупа сыплется. Нет, человек сильнее страха, сильнее... Сперва целься вон в того зверя, что вроде чуть ближе. Выше, выше ствол, в голову чтоб... Ну, нажимай!..

Но в ответ ни выстрела, ни даже щелчка.

Денис попятился, не сводя глаз со зверей. Нога зацепилась за что-то, и он упал. И только теперь Денис понял, что это не волки вовсе, а можжевельниковые деревца, слегка покачивающиеся от ветра.

Да-а, велики глаза у страха...

С усилием поднявшись на ноги, почувствовал, что холод сжимает его ещё крепче. Обувка обледенела, ноги замёрзли. Ничего, сейчас согреется — и он быстро, как ему показалось, пошагал в сторону озера.

Что же случилось с пистолетом? Почему он не выстрелил? Оттого, что на пистолет больше надеяться нельзя, Денису стало не по себе. Случись что-нибудь, как ему быть?

Да где же это озеро? Ага, вот он, пригорок, голый бок которого был подставлен ветрам с озера. А вон, кажется, и само озеро. Точно — озеро! Ну, наконец-то!

Денису показалось, что его шатает. Нет, не показалось, в самом деле шатает, и голова кружится. Не хватает дыхания, дрожащие ноги вязнут в глубоком снегу, подламываются, их всё труднее и труднее вытаскивать.

Ну, собирай силы, выкарабкивайся. Давай шевелись, шевелись...

Впереди слева зачернело что-то, потом смутно обозначились силуэты построек и деревья над ними. Лисуны! Ну, запомнил хату, которую рисовала тебе Марыська на плане? Она рядом с Валькой Бистуновым.

5

Он едва не заплакал от радости, увидев неяркий свет в ближнем к сеним окне. Денис стал дёргать дверную ручку. Сердитый мужской голос спросил:

— Кто там?

— Пустите погреться. Пожалуйста, дяденька!

— А почему ты стучишься именно сюда?

— У вас с-свет горит.

— Да отворяйте же!.. Не слышите разве — мальчик там! — воскликнула женщина, и Денис узнал голос Софьи Семёновны.

— Откройте, дяденька. Я погреюсь и пойду.

— Десять шагов назад!

— Боже мой, и такие в полиции служат!

— Да замолчите вы!..

Денис попятился, нога соскользнула со ступеньки, и он полетел с крыльца спиной в снег. Прямо перед глазами Денис увидел дуло винтовки.

— Кто такой? Откуда? Я спрашиваю: кто ты и откуда? — грозно повторил полицейский. — Почему шляешься в неположенное время?

— С дороги сбился, дяденька.

Из-за полицейского выскользнула женская фигура и наклонилась над Денисом. Это была Софья Семёновна.

Когда она помогала подняться, Денис дважды пожал её руку. Должна же догадаться — что к чему. И когда полицейский метнулся за хлев, прошептал:

— Завтра вас хотят забрать. Я пришёл увести вас в другое место.

Она понимающе кивнула. Увидев показавшегося из-за хлева полицейского, громко сказала:

— Идём в хату. Погреешься. До свидания, Парфён Гаврилович.

Софья Семёновна повела его в комнату, помогла залезть на печь и устроиться там.

Денис проснулся оттого, что отлежал руку. Как его разували — не помнит. Зато первое, что пришло в голову, — где пистолет?

В карманах накинутой на него фуфайки пистолета не было. Ёкнуло сердце, и остатки сна как рукой сняло.

Пространство между стеной и печкой было тщательно заделано досками, и пистолет туда провалиться не мог. Не прибрала ли Софья Семёновна, когда раздевала? Придётся будить её, всё равно им надо уходить. Встав на лавку, он потянул на себя фуфайку. В тот же момент что-то тяжёлое скользнуло по груди вниз, возле ног ослепительно вспыхнуло и раздался оглушительный грохот выстрела.

Опомнившись, Денис понял, что это выстрелил пистолет, упавший с печи. И тут же осенила радостная догадка: там, на пустошах, он не снял его с предохранителя!

— Что ты наделал, хлопчик? — тревожно спросила хозяйка. — Горит что-то... Ей-богу, горит!

— Да ничего не горит, это дымом от пороха пахнет, — успокоил её Денис, шаря под лавкой в поисках оружия. — Простите меня, тётенька, я... это самое... нечаянно...

Подошла Софья Семёновна.

— Собирайтесь, Софья Семёновна, — сказал спокойно. — Надо идти. И так я...

— Давно собралась и за столом в кухне дремала. А куда пойдём?

— Потом скажу. Мне обуться надо.

Хозяйка слезла с печи, накинула на себя что-то, прошла в кухню и позвала перекусить на дорогу.

— А что за полицай был? — солидно справился он за столом.

— Трое их из Белого прикатили к Мирону.

— Что он от вас хотел?

— Кто его знает. Третий вечер приходит...

— Придут за Софьей Семёновной, скажите — ушла. Куда — не сказала... А про меня спросят, так я... это самое... Уточкин Роман из Владычина. Погрелся и пошёл себе своей дорогой. Вскорости после пана полицейского... Да не плачьте, тётенька. Я отведу Софью Семёновну тоже к добрым людям. И вы, Софья Семёновна, не плачьте...

— Никогда не думала, что ты окажешься таким благородным и смелым, — каким-то незнакомым голосом проговорила Софья Семёновна.

7

Они далеко стороной обошли стоящий на отшибе двор Мирона, пересекли большак, и тогда Денис взял направление на хутор Ульяны Спаткай. За ним с чемоданом шла Софья Семёновна. Свободной рукой она поддерживала поднятый воротник шубки, прикрывая лицо от бокового ветра. Идя по руслу, он не собьётся с пути. По этой речушке вода из озера Лонье течёт в Дриссу, и главное — Лонница проходит мимо хутора тётки Ульяны, рядом с сараем, что стоит в конце огорода.

Вскоре Денис понял: надо выбираться из русла. Лонница будет ещё петлять и петлять. Двигаясь по заснеженному вровень с берегами руслу до конца, они удлинят путь и совсем выбьются из сил. Карабкаясь, Денис тянул чемодан по снегу, а учительница толкала его сни-

зу и беспрестанно спотыкалась. Отдохнули и лишь со второго захода одолели склон.

На затравяневшем, летом не паханном поле снег задерживался только в еле заметных ложбинках, так что идти было легко. Да и ветер на этом небольшом и с трёх сторон окружённом высоким кустарником поле не дул так сильно.

Он оглянулся, Софья Семёновна, слегка изогнувшись под тяжестью чемодана, старательно ступала по его следам. Вообще ей живётся несладко. Ни родных близко нет, ни добротной зимней одежды, ни своей еды. Жила квартиранткой у хозяйки, на её харчах, да ещё тем, чем поделятся, принесут другие сельчане.

Софья Семёновна отстала от него шагов на тридцать. Не ожидая, пока она подойдёт к нему, Денис пошёл ей навстречу. Спросил, уморилась ли она, хотя знал, что уморилась.

— Ой, и не спрашивай, — протяжно выдохнула она, поставила чемодан и спросила, есть ли у него спички.

— Нет. Огниво есть.

Она не знала, что это такое, и Денис охотно объяснил: кремнёвый камешек, сухая губка от березы и стальная пластинка. Огнивом искры выбивают и прикуривают от губки. Им можно и костёр развести, только нужны смолистые щепочки или сухая берёзовая кора.

— С помощью твоего огнива можно увидеть циферблат часов?

— Не знаю. Давайте попробуем. Вытяните руку, пожалуйста. Так... Хорошо.

Лишь после пятого или шестого удара мелькнул жидкий пучок искр. Софья Семёновна испуганно ойкнула и отшатнулась.

— Да не бойтесь, — улыбнулся он, не успевший заметить, что показывают стрелки часов.

— Не будем терять времени. Который бы час ни шёл, нам всё равно надо идти, — рассудила учительница.

Они прошли низину и оказались в густом подлеске. С горем пополам всё же пробились сквозь дебри, и, выйдя на открытое место, Софья Семёновна решила опять передохнуть.

— Ох-х... Не могу больше... — с обессиленной отчаянностью выдохнула Софья Семёновна, сидя на чемодане с опущенной головой.

Неожиданно к нему пришла незнакомая ранее мысль: со вчерашнего вечера он стал каким-то иным, другим Денисом. Каким — точно сказать себе не мог, не находил слов, но чувствовал себя совсем не таким, каким был на горке за Степанихиным садом до того, как Юрась не сказал ему про Софью Семёновну. С той минуты в нём как будто что-то переделали или поменяли, что изменило его...

— Вы слышали хорошую и важную-преважную новость?

— Хорошую? Не слышала.

Он стал, повернулся к ней лицом и таинственным полушёпотом, как будто невдалеке был ещё кто-то, по своему расписал Юрасево известие о разгроме немцев под Москвой.

— Правда? — сорвавшимся голосом живо отозвалась Софья Семёновна.

— Буду я врать вам, что ли? — с ноткой обиды произнёс Денис так убедительно, искренне, что учительница должна понять: это не шуточки на перемене в школе. Услышал, как она несколько раз подряд шмыгнула носом, и понял: тихо плачет.

— Извини, Денис, это от радости, — учительница первый раз назвала его по имени, и ему это понравилось.

— Скажи, если не секрет, от кого ты услышал эту действительно важную-преважную новость?

Её оживление прибавило Денису силы. Повернувшись к учительнице лицом, он улыбнулся через силу.

— Вы не обидитесь, если я... это самое... не скажу?

— Нет, конечно.

В бесснежную пору эта дорожка на Бычинский хутор всходила по тесному и довольно глубокому разрезу в коротком крутом подъёме. Теперь же этот разрез совсем не замечался на ровно занесённой снегом поверхности склона, и поднимающуюся под ней дорожку можно было определить лишь по расступившемуся кустарнику.

Денис понял: взбираться будет очень трудно. Снег в предполагаемом разрезе будет ему наверняка по пояс, не ниже. Они окончательно выбьются из сил... Что может с ними стать потом — боялся думать.

С первой попытки взобраться наверх им не удалось. Софья Семёновна упала, ткнувшись лицом в уплотнённый ветром снег, чемодан сорвался и скатился вниз. Денис вытянул ногу из сугроба, чтобы ступить вбок и помочь учительнице встать, и тоже упал. Он тут же развернулся, подавшись немного вниз, дотянулся до ручки чемодана и рывками подвинул его к себе.

С трудом поднявшись, они снова двинулись с чемоданом и снова повалились. Барахтались в снегу, вставали и опять падали, часто и шумно дыша. Горело и распирало в груди, не хватало воздуха, хотя и дышал Денис широко раскрытым ртом. Как вчера под Лисунами, в глазах замелькали яркие точки в расходящихся кругах.

И снова этот противный, липкий звон в ушах.

И вдруг ему намного легче стало передвигаться: локти уже не срывались с места и ремень не сжимал так сильно живот, как минутой раньше. Видно, не всё ещё сознание отупело от усталости и непотухшим краешком подсказало: ползёшь уже по ровному месту. И лишь тогда Денис, в десятый или двадцатый раз, беспомощно сунулся в неглубокий снег и замер... Он погружался во что-то необъяснимо сладко-тёплое, мягкое и нежно-светлое. Это, наверное, рай, о котором рассказывала ему бабушка... И вдруг его почему-то начали возвращать оттуда.

Он выплыл из счастья, из рая, встрепенулся и возмущённо воскликнул, приподнявшись на локтях:

— Кому надо?.. Зачем?..

— Денис, ну вставай же, вставай, пожалуйста. Я не могу поднять тебя...

Он повернулся на спину, сел и тут же ощутил собачий холод. Его колотило. Чья-то живая тень опустилась перед ним на корточки и начала несильно двигать его плечами.

— Всё. Больше не могу, руки болят. Потри лицо снегом, оно, видимо, отморожено.

Денис наконец принял за действительность всё происходящее сейчас и изумился:

— Как вы взобрались?

— Твоим методом. Сейчас же три щёки и нос! А то поздно будет.

Денис зачерпнул пригоршней снега и принялся тереть им лицо.

— Слышишь нос и щёки? — беспокоилась Софья Семёновна.

— Щёки вроде чувствую, а кончик носа — нет ещё.

Вытерев лицо платком учительницы, он следом за Софьей Семёновной приплёлся к спуску. Внизу виднелся чёрный прямоугольничек. Денис отстегнул ремень, которым была подпоясана фуфайка, привязал бечёвку к пряжке и конец ремня подал Софье Семёновне.

— Дойдём мы когда-нибудь или... — заговорила Софья Семёновна севшим голосом и не закончила. В нём послышалось плохо скрываемое отчаяние.

— Меньше... километра... осталось. Софья Семёновна, давайте... это самое... оставим тут чемодан.

Она повернула к нему лицо и, задыхаясь, произнесла возмущённо:

— Что ты говоришь, Буйневич?!

— Не бойтесь... Я закопаю в сугроб, — настаивал Денис.

— Нет!

— Откопаем с Марыськой и привезём на саночках.

— Нет! Нет! Нет! — в каком-то исступлении повторяла учительница, присела и обняла чемодан, словно его хотят отнять у неё силой и без него, без того, что находилось в нём, её жизнь теряла всякий смысл.

8

Борясь с сонливостью, которая мягкой, убаюкивающей волной окутывала сознание, Денис говорил, вздрагивая каждый раз, когда возникала хоть небольшая пауза. Он рассказывал, как узнал о том, что немцы собираются забрать её, Софью Семёновну, о своём разговоре с Марыськой...

— Как же отважился в такую дорогу, да ещё ночью, в метель?

— А чего тут такого... Три километра — ерунда.

— Ты же ещё...

— Маленький, так? — перебил он учительницу. — Мне в мае уже тринадцать стукнет. Я, это самое... ближе к взрослым уже. Пора самому думать. И делать всё. А то привыкнешь по подсказкам да на всём готовеньком...

— Дома хоть знают, куда ты отлучился?

— Это самое... не успел сказать, — понизив голос, виновато произнёс Денис.

— Так твои ж, по-видимому, места себе не находят: волнуются, ищут тебя, а может, и плачут.

После недолгого молчания Софья Семёновна перешла на другую тему и спросила, есть ли у него какая-нибудь цель в жизни.

— Хочу, чтобы все-все люди были добрые.

— Это не цель, а желание.

— Пускай себе и желание. А только моя бабушка говорила, что человек человеку должен добро делать. И чтоб каждого тянуло к этому, как к хлебу. И батька мой так говорит...

Это лишь показалось, что они хорошо отдохнули, сидя в затишке. Уж через какие-нибудь две-три сотни шагов тяжёлая усталость вновь начала сковывать тело. Денис шёл машинально, глядя под ноги, боясь споткнуться или оступиться. Он понимал, что теперь уже без помощи Софьи Семёновны встать, пожалуй, не сможет. А ей и без того... Хорошо хоть всё-таки уговорил оставить чемодан под стеной.

— Что это там, Буйневич? — услышал вдруг Денис голос учительницы и остановился. — Мне кажется, они движутся... — неуверенно, с волнением добавила она.

Денис посмотрел в сторону, куда показывала Софья Семёновна, и вздрогнул, как от озноба: совсем недалеко на фоне редколесья медленно двигались две продолговатые тени. Да-а, не зря ему в пустошах мерещились волки.

— Это волки, Буйневич? — держа его за руку, шёпотом спросила Софья Семёновна.

— Не-е, — как можно равнодушнее произнёс Денис. — Лисицы.

— А разве лисицы ходят по двое?

У Дениса брови полезли под шапку. Вот это да! Соображает!

— Ты уверен, что это лисицы, а не волки? — слегка запинаясь, спросила учительница.

Тени слились в одну, и она двинулась к ним. Денис толчком сдвинул шапку на затылок и вытащил пистолет. Звери прошли чуть и остановились.

— Боже мой, какой ужас! — воскликнула Софья Семёновна. — У него револьвер!

— Не револьвер, а пистолет, — хмуро поправил Денис. — «ТТ» называется.

— Всё равно! Ты из него в доме стрелял?

— Там, это самое... пистолет сам выстрелил. По нечаянности.

— Ты ж можешь кого-нибудь поранить! — Софья Семёновна схватила его за плечо.

— Из него и убить можно, — сказал Денис.

— Ты убьёшь их?

— Из пистолета их отсюда не достанешь. Из винтовки бы... Ну хоть попугая, — стараясь говорить спокойно, сказал Денис.

Он рывком в сторону сбросил руку учительницы, сделал шаг вперёд, поднял пистолет на уровень глаз и на

всякий случай стал прицеливаться — чем чёрт не шутит, может, и долетит...

В тот момент, когда уже собрался нажать на курок, над его головой раздался такой вопль, что он с испугу едва не выронил пистолет.

— Эге-гей! Пошли прочь! Прочь!.. — звенящим от напряжения и страха голосом кричала Софья Семёновна.

Волки неожиданно отпрыгнули в разные стороны и опять замерли. Учительница продолжала кричать, и Денис, позабыв о своём намерении стрелять, тоже заорал что было силы:

— Ату на вас! Ату! Прочь!

Он кричал, размахивал пистолетом, и волки длинными скачками понеслись к подлеску и скрылись там.

Уже перед самым хутором Денис остановился и сиплым, сорванным голосом попросил учительницу никому-никому не говорить про пистолет. Даже Марыське.

Софья Семёновна внезапно обняла его и крепко прижала к себе.

— Хорошо, мой мальчик, не скажу. Никому не скажу. Только будь осторожен. Будешь?

— Ладно, — произнёс Денис со вздохом, будто делал ей одолжение.

В проёме калитки темнели две знакомые фигуры: тётки Ульяны и Марыськи. Видно, так и не ложились, ждали, сидя у окна, и, дождавшись, наконец, вышли встретить. Марыська подбежала к Софье Семёновне и обвилась вокруг её шеи.

Занавесили окна в кухне и зажгли коптилку. Марыська с деловитым видом накрыла стол. Пока тётка Ульяна кипятила чайник, Денис и Софья Семёновна похлебали борща на курином бульоне, с позднего вечера ждавшего

их в тёплой печи. Выпив целую кружку брусничного чая, Денис поблагодарил, поднялся и стал одеваться.

— Ты ж на ногах еле держишься. Отдохни, а то свалишься в дороге, — последний раз попыталась убедить его тётка Ульяна. — Так и так тебе влетит. Семь бед — один ответ...

Денис аж поёжился от возможного гнева батьки... На гвозде возле окна постоянно висит ремень из хорошей кожи. На нём батя правит бритву: оселка у него не было. Ладно, не надо думать о плохом. Станет на коленях перед родителями, всё расскажет им про разгром немцев, не забудет и попросить прощения. Не станет батька ночью подымать шум: малые проснутся, заревут. А к светлому утру злость пройдёт, может... Потом — в лес вместе...

Там, где ветер сдул с дороги выпавший за ночь снег, посреди санной колеи Денис разглядел следы своих лыж. Сейчас ему показалось, что эти следы были проложены бог знает когда. Близкая неприятность не пугала его. На душе было легко и даже весело, почти не чувствовалось усталости. И пистолет в кармане, солидно похлопывающий по бедру, не казался тяжёлым... Достал его, в свете луны осмотрел, понюхал дуло, чуть пахнущее огоревшим порохом и смазкой, и решил: даст его на неделю Юрасю — пусть потешится.

ГОД ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА

БЕЗ ПРАВА НА СЛАВУ, ВО СЛАВУ ДЕРЖАВЫ!

В России 28 мая отмечают День пограничника — праздник стражей границ Российской Федерации, элитных войск, которые уже не одно столетие обеспечивают государственную безопасность. Бойцы-пограничники, прозванные «зелёными беретами», несут службу на территории протяжённостью более 60 тыс. км, ведь Россия граничит с 16 государствами на суше и с двумя — по морю.

День пограничника — профессиональный праздник личного состава и ветеранов Погранслужбы ФСБ России. В этот день в 1918 году Декретом Совнаркома РСФСР была создана пограничная охрана. Официальным праздничным этот день стал лишь в 1958 году, когда был издан соответствующий Указ Совета министров СССР. В новейшей истории России День пограничника отмечается в соответствии с Указом президента РФ от 23 мая 1994 года.

Своими корнями история пограничной службы России уходит в далёкое прошлое. Борьба со степными кочевниками, а потом с монголо-татарами заставляла русские княжества возводить на своих рубежах приграничные заставы и крепости. Иван Грозный ввёл «Уложе-

ние о станичной службе». В 1782 году указом императрицы Екатерины II был учреждён институт «таможенной цепи и стражи» для охраны границ и осуществления пограничного контроля.

С развитием торговли с зарубежными странами в силу вступали новые и более сложные положения об устройстве пограничной и таможенной стражи. До 1917 года службу по охране государственных границ Российской империи нёс Отдельный корпус пограничной стражи, а контроль за въездом в империю и выездом за её пределы осуществляла Пограничная жандармерия. После Октябрьской революции корпус был упразднён.

28 мая 1918 года председатель Совнаркома В.И. Ленин подписал Декрет об учреждении пограничной охраны Республики Советов. Именно эта дата позже стала праздноваться как День пограничника. После окончания Гражданской войны Ф. Дзержинский сформулировал основной принцип обеспечения охраны социалистических рубежей: «Граница — есть линия политическая, и охранять её должен политический орган». И в 1920 году охрану всех границ отдали в ведение Особого отдела ВЧК.

Тогда же была введена пограничная форма, в частности, фуражки и папахи с зелёным верхом. Остро встал вопрос подготовки начальствующего состава для войск ОГПУ. В 1923 году была открыта Высшая пограничная школа. В эти годы формировалась контрольно-пропускная служба погранвойск, велась работа по организации морской пограничной охраны. В 1932—1934 годах в составе пограничных войск были сформированы первые авиационные отряды.

В 1920 — 1930-е годы пограничниками СССР на западных границах было задержано около 3 000 наруши-

телей. Тогда же большое значение приобретает использование на границе служебных собак. Следопытство и служебное собаководство выделяется в отдельное направление. При помощи пограничных собак была задержана не одна сотня нарушителей. В этой связи стоит вспомнить самого знаменитого пограничника СССР Героя Советского Союза Никиту Карацупу. За 20 лет службы в погранвойсках он задержал 338 нарушителей границы, создал свою особую школу дрессировки собак.

Предвоенное время было очень беспокойным, особенно это касалось дальневосточных рубежей, где существенно активизировалась деятельность японцев, постоянно стремившихся к развязыванию военных конфликтов, и первый удар на себя принимали советские пограничники. При их участии японская армия потерпела поражение в боях около озера Хасан в 1938 году и в районе, прилегающем к реке Халхин-Гол, в 1939 году.

В 1941 году вероломно нарушив границы СССР, фашистская Германия атаковала советские погранзаставы от Баренцева моря до Чёрного. Гитлеровское командование отводило в своих планах всего 30 минут на преодоление пограничных застав. Их расчёт не оправдался. Под мощнейшим натиском военной машины вермахта пограничники стояли насмерть. Отдельные небольшие пограничные гарнизоны сопротивлялись в течение многих суток. Несколько застав сражалось в составе героической Брестской крепости. Пограничники не только обороняли свои заставы до последнего солдата, до приказа об отходе, они нередко переходили в атаки и даже контрнаступления. В ночь на 23 июня 1941 года бойцы сводного батальона 92-го погранотряда вместе с подразделениями Красной армии выбили гитлеровцев из

приграничного Перемышля и несколько дней удерживали город в своих руках, пока не получили приказа об отходе.

В годы Великой Отечественной войны на пограничные войска была возложена обязанность по охране тыла действующей армии. Значителен вклад пограничников в развертывание всенародного партизанского движения на оккупированной врагом территории. Пограничные полки обороняли Одессу, Сталинград, Севастополь, Ленинград, Москву, участвовали в разгроме фашизма на территории Европы. В годы войны 150 пограничников удостоены звания Героя Советского Союза.

Во время войны пограничники выполняли и специальные задания. Так, в 1943 году воины 131-го погранполка охраняли советскую делегацию на Тегеранской конференции руководителей государств антигитлеровской коалиции.

Красные знамена поднимали над поверженным Рейхстагом несколько групп советских бойцов. Фамилии одних получили широкую известность и навечно вписаны в историю. О других мы ничего не знаем. Среди безвестных знаменосцев Победы оказался бывший пограничник сержант П. Кагыкин. В составе штурмовой группы он ворвался в северное крыло Рейхстага и поднял над поверженным «логовом фашистского зверя» свой победный красный флаг.

В послевоенное время, в 1946 году, части пограничных войск передаются в ведение Министерства госбезопасности СССР, а с 1957 года они стали подчиняться Главному управлению погранвойск КГБ СССР. Погранвойска КГБ СССР стали оснащаться новейшим стрелковым вооружением, радиолокационными и прожекторными

ми станциями, началось активное использование при патрулировании границы вертолётов.

В 1969 году советские пограничники, охранявшие восточные рубежи, вновь оказались на грани военного положения, возникшего из-за претензий китайцев на остров Даманский. Во время их вылазки погибли 58 пограничников.

После распада СССР пограничные войска несколько раз переходили из одного ведомства в другое. С 2003 года Пограничная служба является структурным подразделением Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Пограничная служба не относится к Вооружённым силам. Её основная цель — охранять и оберегать российскую границу. Чертой обороны являются земельные, водные и биологические ресурсы исключительной экономической зоны.

После распада СССР произошли большие изменения в технике и тактике охраны границ государств, обусловленные научно-техническим прогрессом и разительной сменой политической обстановки на планете. Однако это не привело к уменьшению приграничной опасности России — появились новые угрозы, обусловленные преступной деятельностью международных террористических организаций, наркотрафиком, религиозным и национальным экстремизмом, сепаратизмом, нелегальной миграцией.